

Дэвид Митчелл
**ПОД
ЗНАКОМ
ЧЕРНОГО
ЛЕБЕДЯ**

«Под знаком черного лебедя» —
идеальный слепок
времени и места,
ни одной фальшивой
ноты.

Telegraph

Большой роман

Дэвид Митчелл

Под знаком черного лебедя

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Митчелл Д.

Под знаком черного лебедя / Д. Митчелл — «Азбука-Аттикус»,
2006 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-11739-6

Дэвид Митчелл – современный классик британской литературы, дважды финалист Букеровской премии, автор таких интеллектуальных бестселлеров, как «Костяные часы», «Облачный атлас» (недавно экранизированный Томом Тиквером и братьями Вачовски), «Голодный дом» и другие. «Под знаком черного лебедя» – это роман взросления, и Митчелл более чем уверенно выступил на территории, традиционно ассоциирующейся с такими именами, как Сэлинджер, Брэдбери и Харпер Ли. Итак, добро пожаловать в деревушку Лужок Черного Лебедя (где «на самом деле нет никаких лебедей... Это, в общем, такая шутка»). Джейсону Тейлору тринадцать лет, и мы увидим его жизнь на протяжении тринадцати месяцев, от одного январского дня рождения до другого. Он борется с заиканием, тайно пишет стихи, собачится со старшей сестрой и надеется не опуститься в школьной иерархии до уровня Дина Дурана по прозвищу Дурень. Тем временем в Атлантике идет Фолклендская война, в кинотеатрах стоят очереди на «Огненные колесницы», а в отцовском кабинете, где «вращающееся кресло – почти такое же, как в оружейных башнях „Сокола Тысячелетия“ у лазерных батарей», то и дело звучат загадочные телефонные звонки... «„Под знаком черного лебедя“ – идеальный слепок времени и места, ни одной фальшивой ноты» (Telegraph). Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-11739-6

© Митчелл Д., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Январский день рождения	9
Вешатель	25
Родственники	40
Верховая тропа	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дэвид Митчелл

Под знаком черного лебедя

David Mitchell

BLACK SWAN GREEN

Copyright © 2006 by David Mitchell

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© Т. П. Боровикова, перевод, примечания, 2020

© А. Б. Гузман, примечания, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Я считаю Чехова своим святым покровителем. Конечно, так думают многие писатели, но я читаю Чехова каждый год. Он напоминает мне о том, что самое главное в литературе – это не идеи, а люди. Очень люблю Булгакова. Он достаточно популярен в англоязычном мире. Булгаков очень изобретателен, и у него большое «чеховское» сердце. Например, Набоков тоже изобретателен, но у него «платоновское» сердце. Его волнуют идеи, а не люди. Ну и конечно же, Толстой. Например, «Анна Каренина» – 700 страниц, но не скучно ни на секунду, Толстой умудряется оставаться увлекательным даже на такой большой дистанции.

Дэвид Митчелл

Сравнения Митчелла с Толстым неизбежны – и совершенно уместны.

Kirkus Reviews

Митчелл – один из лучших писателей современности.

San Antonio Express-News

Гениальный рассказчик. Возможно, именно Дэвид Митчелл окажется наиболее выдающимся британским автором нашего времени.

Mail on Sunday

«Под знаком черного лебедя» – идеальный слепок времени и места, ни одной фальшивой ноты.

Telegraph

Чем эта книга впечатляет даже сильнее «Облачного атласа», так это тем, насколько естественно формальные ухищрения, сквозная литературность вплавлены в достоверную историю взросления, проживаемую читателем как свою. «Эпично», как сказал бы Джейсон.

Literary Review

Митчелл лихо испытывает на прочность литературные условности и сам язык, безукоризненно воспроизводя склад ума и манеру речи проблемного подростка.

Tatler

Трогательная, волнующая, тревожная книга. И в то же время невероятно смешная, даже – вернее, парадоксально, именно тогда – в самые тяжелые, напряженные моменты.

Observer

Блистательный роман. Торжество литературы как освобождающей силы и в то же время иллюстрация того, что застенчивость, неспособность внятно выразиться, даже виктимность тоже формируют будущего писателя.

The Times

Наше коллективное бессознательное до сих пор в плену у восьмидесятых, но недостаточно упомянуть «Дюран-дюран» или Фолкленды, чтобы воскресить это десятилетие во всей его пугающей красе. Для этого нужен талант масштаба Дэвида Митчелла.

Independent

Дэвид Митчелл прославился романами самого масштабного охвата – и географически, и хронологически, и жанрово. Здесь же он сосредоточивает все свое писательское мастерство на одной деревушке, одном годе и одной жанровой модели – романе взросления. Результат, как и следовало ожидать, умопомрачительный.

Time

Дэвид Митчелл не столько нарушает все правила повествования, сколько доказывает, что они сковывают живость писательского ума.

Дин Кунц

Дэвиду Митчеллу подвластно все.

Адам Джонсон (лауреат Пулицеровской премии)

Дэвид Митчелл давно и по праву считается одним из лучших – если не самым лучшим – современным писателем, который способен держать читателя в напряжении каждой строчкой и каждым словом...

Джо Хилл

Околдовывает и пугает... истинное мастерство рассказчика заключается в том, что Митчелл пробуждает в читателе неподдельный интерес к судьбе каждого из героев.

Scotland on Sunday

Дэвида Митчелла стоит читать ради замысловатой интеллектуальной игры, ради тщательно выписанных героев и ради великолепного стиля.

Chicago Tribune

Дэвид Митчелл – настоящий волшебник.

The Washington Post

Ошеломляющий фейерверк изумительных идей... Каждый новый роман Митчелла глубже, смелее и занимательнее предыдущего. Его проза искрометна, современна и полна жизни. Мало кому из авторов удастся так остроумно переплести вымысел с действительностью, объединить глубокомыслие с веселым вздором.

The Times

Митчелл – непревзойденный литературный гипнотизер. Как жаль, что в обычной жизни так редко встречаются изящество и воодушевление, свойственные его романам. Он пишет с блистательной яркостью и необузданным размахом. Воображаемый мир Митчелла радует и внушает надежду.

Daily Telegraph

Митчелл – один из самых бодрящих авторов. Каждый его роман отправляет читателя в увлекательнейшее путешествие.

The Boston Globe

Дэвида Митчелла, бесспорно, можно назвать самым многогранным и разноплановым среди всех писателей его поколения. Он пишет стильнее Джонатана Франзена, его сюжеты стройнее, чем у Майкла Шейбона, повествование глубже и сложнее, чем у Дженнифер Иган, а мастерством он не уступает Элис Манро...

The Atlantic

Митчелл – прекрасный писатель. Один из секретов его популярности и заслуженной славы заключается в том, что его творчество совмещает неудержимый полет воображения гениального рассказчика с приземленным реализмом истинного гуманиста. Его романы находят отклик у всех, будь то любители традиционного реалистичного повествования, постмодернистского нарратива или фантастических историй.

The New Yorker

Митчелл – писатель даже не глобального, а трансконтинентального, всепланетного масштаба.

New York

Я хочу продолжать писать! Почему по-настоящему хорошие, многообещающие произведения пишут тридцатилетние писатели, которые в свои шестьдесят не всегда могут создать нечто столь же потрясающее и великолепное? Может, им мешает осознание собственного выхода на пенсию? Или они когда-либо сотворили безумно популярное произведение, а потом строчили все менее качественные дубликаты своего же успеха? А может, просто нужно быть *жадным и всеядным* в чтении, в размышлениях и в жизни, пока вы еще на это способны, и тогда каждый ваш роман будет лучше предыдущего. Я на это надеюсь.

Дэвид Митчелл

Январский день рождения

«Ко мне в кабинет – ни ногой». Такое правило установил папа. Но телефон прозвонил уже двадцать пять раз. Нормальные люди обычно сдают после десяти-одиннадцати звонков, если только речь не идет о жизни и смерти. Правда же? У папы есть автоответчик, как у Джеймса Гарнера в сериале «Досье детектива Рокфорда», с большими бобинами пленки. Но в последнее время папа перестал его включать. Тридцать звонков. Джулия не слышит, у нее в мансарде грохочет на полную катушку *Human League* – «Don't You Want Me»¹. Сорок звонков. Мама тоже не слышит – она пылесосит гостиную, и к тому же у нее стиральная машина трясется как бешеная. Пятьдесят звонков. Тут что-то не так. А если папу раскатало в лепешку в аварии на М5 и у полиции есть только этот номер телефона, потому что остальные папины документы сгорели? Тогда мы лишимся последнего шанса повидать обгоревшего отца перед его смертью в больнице.

И я переступил порог, чувствуя себя как жена Синей Бороды, которая нарушила запрет. (Конечно, Синей Бороде только того и надо было.) В папином кабинете пахнет фунтовыми банкнотами – бумажный и одновременно металлический запах. Из-за опущенных жалюзи казалось, что сейчас вечер, а не десять утра. На стене очень суровые часы – у нас в школе везде висят точно такие же. И фотография: Крейг Солт пожимает папе руку по случаю того, что папу сделали региональным директором продаж «Гринландии» (через «и», так называется сеть супермаркетов, а не через «е», как остров). На стальном столе – папин компьютер *IBM*. Он стоит тысячи фунтов, чесслово. Телефон у папы в кабинете красный, будто аппарат экстренной связи у какого-нибудь президента. И с кнопками, которые надо нажимать, а не с диском, как у нормальных телефонов.

В общем, я набрал воздуху в грудь, поднял трубку и назвал наш домашний номер. Хотя бы его я могу произнести не запинаясь. Обычно.

Но в трубке молчали.

– Алло! – произнес я. – Алло?

Человек на том конце дышал так, как будто порезался бумагой.

– Вы меня слышите? Я вас не слышу.

Еле слышно заиграла мелодия из «Улицы Сезам».

– Если вы меня слышите, стукните по трубке один раз. – Я вспомнил детский фильм, в котором так делали.

Стука не последовало, только музыка из «Улицы Сезам» продолжала играть.

– Наверно, вы ошиблись номером, – предположил я, теряясь в догадках.

На том конце завопил младенец, и трубку бросили.

Когда тебя кто-то слушает в телефоне, получается *слушательный* звук.

Я его слышал. Значит, на том конце слышали меня.

«Семь бед – один ответ». Эту пословицу мы сто лет назад проходили с мисс Трокмор-тон. Раз уж подвернулся предлог зайти в папин кабинет, я раздвинул полоски жалюзи, острые как бритва, и глянул в окно – за церковные земли, сквозь ветви флюгерного дерева с петухом, за поля – на Мальвернские холмы. Бледное утро, ледяное небо, холмы покрыты коркой льда, но снег, кажется, не задержался надолго. Обидно. У папы вращающееся кресло – почти такое же, как в оружейных башнях «Сокола Тысячелетия» у лазерных батарей. Я принялся палить в советские МиГи, заполонившие небо над Мальвернскими холмами. Вскоре я уже героически спас десятки тысяч мирных жителей отсюда до Кардиффа. Приходская земля

¹ «Разве ты меня не хочешь» (англ.).

покрылась обломками фюзеляжей и обугленными крыльями. В советских летчиков, когда катапультируются, я стрелял иглами со снотворным. Наши морские пехотинцы потом всех подберут. Меня захотят осыпать медалями, но я откажусь. «Нет, спасибо, – отвечу я Маргарет Тэтчер и Рональду Рейгану, когда они придут к маме на чай. – Я лишь выполнял свой долг».

У папы на столе прикручена невероятно клевая точилка для карандашей. Они становятся такими острыми, что хоть рыцарские латы прокалывай. Самые острые – Т. Это папины любимые. Я предпочитаю 2М.

Позвонили в дверь. Я поправил жалюзи, убедился, что не оставил других следов, выскользнул из кабинета и помчался вниз – посмотреть, кто пришел. Последние шесть ступенек я преодолел одним отчаянным скачком.

Это оказался Дурень – дыбящийся и прыщавый, как всегда. Пух у него на лице стал заметно гуще.

– Спорим, не угадаешь, что случилось!

– Что?

– Знаешь озеро в лесу?

– Что с ним такое?

– А оно, – тут Дурень оглянулся, чтобы проверить, не подслушивает ли кто, – взяло да и замерзло! Половина ребят уже там. Круто, а?

– Джейсон! – Из кухни вышла мама. – Холоду напустишь! Либо пригласи Дина в дом – *здравствуй*, Дин, – либо закрой дверь.

– Э... мам, я выйду ненадолго.

– Э... куда?

– Подышать воздухом. Это очень полезно для здоровья.

Большая ошибка.

– Что это ты затеял?

Я хотел сказать «ничего», но Вешатель не позволил.

– Почему ты думаешь, что я что-то затеял?

Я стал надевать темно-синее пальто, старательно избегая ее взгляда.

– А что не так с твоей новой черной курткой, позволь спросить?

Я по-прежнему не мог выговорить «ничего». (Вообще-то надеть черное – значит заявить о своей принадлежности к крутым пацанам. Но взрослым таких вещей не понять.)

– Пальто потеплее. На улице холодновато.

– Имей в виду, обед ровно в час. Папа придет. Надень вязаную шапку, а то голова замерзнет.

Вязаные шапки – это для педиков, но я послушался – потом суну ее в карман.

– До свиданья, миссис Тейлор, – сказал Дурень.

– До свидания, Дин, – ответила мама.

Она его недолюбливает.

Дурень одного роста со мной. Парень он ничего, но от него ужасно разит супом. Он носит всегда слишком короткие штаны из секонд-хенда и живет на Драгтерс-Энд, в маленьком кирпичном домике, который тоже весь пропах супом. На самом деле Дурня зовут Дин Дуран, но наш учитель физкультуры мистер Карвер сразу же стал звать его «дурень», и кличка прилипла. Я зову его Дин, когда нас больше никто не слышит, но с именами все не так просто. Самые популярных парней зовут просто по имени – например, Ника Юэна всегда называют только Ник. Среднепопулярных – как Гилберт Свинъярд – зовут кличками, вроде как почти-тельными, типа Ярди. На ступень ниже стоят ребята вроде меня, которые называют друг друга по фамилии. Еще ниже – с издевательскими кличками: прилепят, и ходи с ней. Вот как Дуран

– Дурень, или Бест Руссо, у которого кличка Без Трусов. Если уж родился мальчиком, то от иерархии, как в армии, тебе никуда не деться. Назови я Гилберта Свинъярда просто «Свинъярд», он заедет мне в морду с ноги. А стану звать Дурня по имени при всех, это меня самого понизит. Приходится быть бдительным.

Девочки обычно не так следят за иерархией, кроме Дон Мэдден – она, мне кажется, на самом деле мальчик и только по ошибке получилась девочкой. Они и дерутся гораздо меньше. (Впрочем, как раз перед рождественскими каникулами Дон Мэдден зверски сцепилась с Андреа Бозард. Они стояли в очереди на автобус после школы и начали обзывать друг друга суками и шлюхами. Потом принялись молотить друг друга кулаками по сиськам, таскать за волосы, и все такое.) Иногда я жалею, что не родился девчонкой. Они обычно гораздо более цивилизованны. Но стоит проговориться об этом, как на моем шкафчике в школе обязательно нацарапают «ПЕДИК». Так случилось с Флойдом Чейсли, когда он признался, что любит музыку Баха. Имейте в виду: если в школе когда-нибудь узнают, что Элиот Боливар, чьи стихи публикуются в приходском журнале Лужка Черного Лебедя, – это я, меня забьют до смерти за теннисным кортом молотками из школьной мастерской и намажут эмблему *Sex Pistols* на моем надгробии.

Короче, пока мы с Дурнем шли к озеру, он рассказал мне про электрическую автодорогу, которую ему подарили на Рождество. На следующий же день трансформатор от нее взорвался, и всю семью чуть не убило. «Ага, шаз», – сказал я. Но Дурень поклялся могилой своей бабушки. Тогда я посоветовал ему написать в передачу «Это жизнь» на Би-би-си – тогда Эстер Ранцен заставит производителя выплатить компенсацию. Дурень сказал, что это вряд ли получится, потому как его папка купил эту штуку у одного «брамми» на рынке в Тьюксбери перед Рождеством. Я не рискнул спросить, что такое «брамми», – вдруг это матерное слово. И только сказал: «Ага, ясно». Дурень спросил, что подарили на Рождество мне. Я на самом деле получил подарочных карточек в книжный магазин на 13 фунтов 50 пенсов и плакат с картой Средиземья, но книги – это для педиков, так что я рассказал Дурню про игру «Жизнь», которую мне подарили дядя Брайан и тетя Алиса. Это настольная игра – ее цель в том, чтобы как можно быстрее провести свою фишку-автомобиль по «жизненному пути» и набрать при этом как можно больше денег. Мы пересекли дорогу у «Черного лебедя» и вошли в лес. Я пожалел, что не помазал губы вазелином, – они у меня трескаются от холода.

Скоро мы услышали за деревьями вопли, крики и возню ребят.

– Кто последним добежит до озера, тот калека! – крикнул Дурень и помчался, застав меня врасплох.

Но тут же споткнулся о край мерзлой колеи, взлетел в воздух и приземлился на задницу. Дуран в своем репертуаре.

– Кажется, у меня сотрясение, – сказал он.

– Сотрясение бывает, когда ударишься головой. Но если у тебя мозги в жопе, тогда конечно.

Какая отличная реплика! Жаль, *кто надо* этого не слышал.

Озеро в лесу было просто *эпическое*. Во льду застыли пузырьки воздуха, совсем как в мятных карамельках. У Нила Броуза были настоящие олимпийские коньки, и он сдавал их напрокат всем желающим по пять пенсов за раз. Питу Редмарли Броуз разрешал кататься бесплатно, чтобы другие ребята увидели и тоже захотели прокатиться. На льду и без коньков трудно. Я упал тыщу раз, пока наконец не приноровился скользить на подошвах кроссовок. Пришел Росс Уилкоккс со своим двоюродным братом Гэри Дрейком и с Дон Мэдден. Все трое неплохо катаются. Дрейк и Уилкоккс теперь тоже выше меня. (Они были в перчатках без пальцев – пальцы специально отрезали, чтобы похвалиться шрамами, заработанными в игре «Королева шрамов». Меня бы мама за такое убила.) На кочковатом островке посреди озера, где летом

живут утки, сидел Подгузник и орал «Зопой квелху! Зопой квелху!» каждый раз, когда кто-нибудь падал. У Подгузника не в порядке с головой, потому что он родился раньше времени. Поэтому его никогда не бьют. Во всяком случае, сильно не бьют. Грант Бёрч взял велосипед-чоппер своего слуги Филипа Фелпса и прямо выехал на нем на лед. Сперва он держался, но потом решил задрать переднее колесо и взлетел в воздух. Когда велосипед приземлился, то выглядел так, будто Ури Геллер замучил его до смерти. Фелпс криво ухмылялся. Наверняка пытался сообразить, что скажет отцу. Потом Пит Редмарли и Грант Бёрч решили, что замерзшее озеро идеально подходит для игры в «британских бульдогов». Ник Юэн сказал: «Я – за», так что дело было решено. Терпеть не могу «британских бульдогов». Когда мисс Трокмортон в начальной школе запретила нам в это играть – после того, как Ли Бигтсу выбили три зуба, – я чуть не умер от радости. Но сегодня утром любой отказавшийся играть в «британских бульдогов» выглядел бы полным педиком. Особенно если он живет на Кингфишер-Медоуз, как я.

Мы, то есть человек двадцать – двадцать пять мальчишек и Дон Мэдден, встали в ряд, и капитаны команд стали нас выбирать, как рабов на рынке. Грант Бёрч и Ник Юэн были вместе капитанами в одной команде. Капитанами другой были Пит Редмарли и Гилберт Свинъярд. Росса Уилкокса и Гэри Дрейка выбрал Пит Редмарли – раньше меня, но меня выбрал Грант Бёрч на шестом проходе, то есть это был не полный позор. Дурень и Подгузник остались последними. Грант Бёрч и Пит Редмарли пошутили: «Нет, не берите их обоих, мы хотим выиграть!» – и Подгузнику с Дурнем пришлось смеяться, как будто им тоже смешно. Может, Подгузнику и правда было смешно. (Дурню – не было. Когда все отвернулись, лицо у него стало как в тот раз, когда мы сказали ему, что играем в прятки, и послали его прятаться, а он только через час сообразил, что его никто не ищет.) Подбросили монетку, и Ник Юэн выиграл, так что наша команда стала «бегунами», а Пита Редмарли – «бульдогами». Куртки низкоранговых ребят бросили на лед в обоих концах озера, чтобы обозначить ворота, которые надо атаковать и защищать. Девчонок, кроме Дон Мэдден, и малышей прогнали со льда. «Бульдоги» Редмарли сбились в кучу посреди озера, а мы, «бегуны», отошли на старт. У меня колотилось сердце. «Бульдоги» и «бегуны» пригнулись, как конькобежцы. Капитаны команд принялись скандировать:

– Бульдоги! Раз-два-три!

Мы ринулись в бой, вопя, как камикадзе. Я поскользнулся (нечаянно-нарочно) прямо перед тем, как первая волна «бегунов» врезалась в «бульдогов». После столкновения самые крутые «бульдоги» завяжут драку с первыми «бегунами». («Бульдогам» надо положить «бегуна» на обе лопатки на лед и продержат его там столько времени, чтобы успеть крикнуть: «Бульдоги! Раз-два-три!») При некоторой удаче моя стратегия расчистит путь, так что наши, лавируя в толпе «бульдогов», доберутся до линии ворот. Сначала мой план вроде бы сработал. Братья Тьюки и Гэри Дрейк все разом врезались в Ника Юэна. Мне заехали ногой по щиколотке, но я удачно прорвался. Но потом на меня бросился Росс Уилкокс. Я хотел увернуться, но он крепко схватил мое запястье и потянул меня вниз. Я даже не пытался вырваться, а вместо этого схватил покрепче за руку его самого и отшвырнул от себя, прямо на Энта Литтла и Даррена Крума. Класс, правда? В спортивных и всяких других играх главное – не победа и даже не участие. На самом деле главная цель – унижить противника. Ли Бигтс попробовал на мне подленький приемчик из регби, но я его стряхнул только так. Он слишком боится за оставшиеся зубы, а потому не может быть хорошим «бульдогом». Я оказался у линии четвертым. Грант Бёрч крикнул: «Отлично, Джейс!» Ник Юэн отделался от Дрейка и братьев Тьюки и тоже добежал до ворот. Примерно треть «бегунов» попали в плен и сами стали «бульдогами» – следующий проход будет для нас тяжелее. Вот за это я не люблю игру в «британских бульдогов» – тебя насильно делают предателем.

В общем, мы хором крикнули: «Бульдоги! Раз-два-три!» – и снова ринулись в бой, но на этот раз у меня не было шансов. Росс Уилкоккс, и Гэри Дрейк, и Дон Мэдден нацелились на меня с самого начала. Я уворачивался изо всех сил, но ничего не мог поделаться. Я и до середины не пробежал, как они меня заловили. Росс Уилкоккс бросился под ноги, Гэри Дрейк повалил меня, а Дон Мэдден села мне на грудь и придавила коленями мои плечи. Я лежал и ничего не мог поделаться, а меня превращали в «бульдога». Но в сердце я навсегда останусь «бегуном». Гэри Дрейк отсидел мне ногу – может, нарочно, а может, и нет. У Дон Мэдден жестокие глаза, как у китайской императрицы. Иногда ей достаточно в школе один раз с утра на меня посмотреть, и я потом весь день о ней думаю. Росс Уилкоккс подпрыгнул и двинул воздух кулаком, как будто гол забил в «Олд Траффорде». Вот ведь калека. «Да, да, Уилкоккс, трое на одного, молодцы», – сказал я. Уилкоккс показал мне обратную «викторию» и умчался прочь, ввязываясь в другую битву. Грант Бёрч и Ник Юэн врезались со всей скорости в толпу «бульдогов», размахивая руками, как мельницы, и половина «бульдогов» разлетелась в разные стороны.

Тут Гилберт Свинъярд заорал во всю глотку:

– КУЧА-МАЛАААА!!!

Это был сигнал всем «бегунам» и «бульдогам», кто был на озере, повалиться друг на друга, чтобы вышла извивающаяся, стонущая и все растущая пирамида из ребят. Про игру вроде как забыли. Я задержался в сторонке, притворяясь, что хромаю из-за отсиженной ноги. Вдруг в лесу послышался звук бензопилы – она как будто летела по дороге прямо к нам.

Но это была не бензопила. Это был Том Юэн на своем фиолетовом кроссовом «судзуки» на сто пятьдесят кубиков. Сзади за Тома цеплялся Плуту Ноук без шлема. Про «британских бульдогов» тут же забыли: Том Юэн у нас в Лужке Черного Лебедя – живая легенда. Он служит во флоте, на эскадренном миноносце – корабле ее величества «Ковентри». И еще у него есть все альбомы цеппелинов, которые вообще бывают, и он умеет играть на гитаре вступление к «Stairway to Heaven». Том Юэн сам пожимал руку Питеру Шилтону, голкиперу сборной Англии! Плуту Ноук – тоже легенда, но поменьше. Он в прошлом году ушел из школы, даже не сдав экзамены на аттестат зрелости. А теперь работает на фабрике свиных шкварок в Аптоне-на-Северне. (Ходят слухи, что он курил каннабис, но, видимо, не того сорта, от которого мозги превращаются в цветную капусту и прыгаешь с крыши на острые прутья ограды.) Том Юэн припарковал «судзуки» у скамьи на узком конце озера и сел в седле боком. Плуту Ноук двинул его кулаком в спину (это он так спасибо сказал) и пошел разговаривать с Колеттой Тюрбо. Если верить Келли, сестре Дурня, у Плуту с Колеттой были половые сношения. Ребята постарше уселись на скамейке лицом к Тому Юэну, как апостолы с Иисусом, и стали передавать по кругу бычки. (Росс Уилкоккс и Гэри Дрейк теперь курят. Что еще хуже, Росс Уилкоккс спросил Тома Юэна что-то про глушитель «судзуки», и Том Юэн ему ответил, как будто Россу тоже восемнадцать лет, не меньше.) Грант Бёрч велел своему слуге Фелпсу сбегать в лавку Ридда и принести ему арахисовый шоколадный батончик и банку газировки «Топ дек», да еще заорал ему в спину: «Бегом, я сказал!» – чтобы произвести впечатление на Тома Юэна. Мы, средние по рангу ребята, расселись на подмороженной земле вокруг скамьи. Парни постарше заговорили о том, какую самую лучшую передачу показывали по телевизору на Рождество и Новый год. Том Юэн сказал, что смотрел «Большой побег», и все согласились, что рядом с «Большим побегом» все остальные фильмы – говно, особенно по сравнению с той сценой, где фашисты ловят Стива Маккуина на колючей проволоке. Но тут Том Юэн сказал, что, по его мнению, фильм длинноват, и все согласились, что он, конечно, классика, но тянется безумно долго. (Я не видел «Большой побег», потому что мама и папа смотрели особый рождественский выпуск «Двух Ронни». Но я очень внимательно слушал разговор парней, чтобы в понедельник, когда начнется школа, прикинуться, что все-таки видел.)

Разговор каким-то образом перешел на тему «как хуже всего умирать».

– Хуже всего – когда тебя укусила зеленая мамба, – высказал предположение Гилберт Свиньярд. – Это самая ядовитая змея в мире. Все органы внутри лопаются, так что моча перемешивается с кровью. До ужаса мучительно.

– Мучительно-то мучительно, зато быстро, – фыркнул Грант Бёрч. – Гораздо хуже, когда с тебя кожу сдирают, этак носком. Так делают индейцы-апачи со своими жертвами. Самые лучшие могут это на целую ночь растянуть.

Пит Редмарли сказал, что слышал про казнь, которую любят вьетконговцы.

– Они тебя раздевают, привязывают, потом засовывают плавленый сырок тебе в жопу. А потом запирают тебя в гробу, в который ведет трубка. И пускают по трубке голодных крыс. Крысы, они сжирают сыр, а потом вгрызаются в тебя.

Все посмотрели на Тома Юэна – какой будет окончательный ответ.

– Я часто вижу один такой сон. – Он затянулся сигаретой, – казалось, целая вечность прошла. – Я в кучке последних людей, выживших после атомной войны. Мы идем по шоссе. Машин на нем нет, только сорняки растут. И каждый раз, как я оглядываюсь, нас все меньше. Радиация, понимаете, убивает одного за другим. – Он посмотрел на своего брата Ника, потом куда-то далеко за ледяное озеро. – И меня пугает даже не то, что я умру. А то, что я окажусь последним.

После этого все долго молчали.

Тут вылез Росс Уилкоккс. Он затянулся сигаретой, – казалось, целая вечность прошла. Фу, позер.

– Вот если б не Уинстон Черчилль, *вы* сейчас все говорили бы по-немецки.

Ну конечно, а Росс Уилкоккс ловко избежал бы немецкого плена и лично возглавил бы ячейку Сопротивления. Мне до смерти хотелось сказать этому выскочке, что на самом деле, если бы японцы не разбомбили Пёрл-Харбор, Америка никогда не вступила бы в войну, Британию заморили бы голодом и вынудили бы сдаться в плен и Черчилля казнили бы как военного преступника. Но я знал, что не смогу. В этих предложениях была куча запинательных слов, а Вешатель в последнее время стал совершенно безжалостен. Поэтому я только сказал, что умираю – хочу отлить, встал и прошел чуть подальше по тропке, ведущей в деревню. Гэри Дрейк заорал:

– Эй, Тейлор! Не стряхивай больше двух раз, а то выйдет, что ты *дрочишь*!

Нил Броуз и Росс Уилкоккс довольно заржали. Я показал им через плечо обратную «викторию». Присказка про «стряхивать и дрочить» сейчас у парней дико модная. Жаль, я никому не могу довериться и спросить, что это на самом деле значит.

Среди деревьев всегда хорошо, в отличие от людей. Может, Дрейк и Уилкоккс надо мной издевались, но в любом случае чем слабее становились их голоса, тем меньше мне хотелось идти назад. Я просто ненавидел себя за то, что не поставил Уилкоккса на место, когда он говорил про немецкий язык. Но если бы я начал запинаться при всех, это был бы капец. Изморозь на колючих ветвях таяла, и большие капли кап-кап-капали на землю. Звук капли меня немножко успокоил. В ямках, куда не доставало солнце, еще оставался крупнозернистый снег, но слепить снежок не хватило бы. (Нерон убивал своих гостей, заставляя их есть стеклянную еду – просто так, для смеху.) Я увидел малиновку, дятла, сороку – и вроде бы где-то вдалеке слышал соловья, но я не уверен, что соловьи встречаются в январе. Я дошел до места, где едва заметная тропа от Дома в чаще вливается в главную тропу, ведущую к озеру, и тут услышал пыхтение – какой-то мальчишка, задыхаясь, мчался в мою сторону. Я спрятался, вжался между двумя елками с раздвоенными вершинами. Мимо пронесся Фелпс, прижимая к груди арахисовый батончик и банку «Тайзера» для своего хозяина. (Должно быть, «Топ дек» у Ридда кончился.) За елками вверх по склону вело что-то похожее на тропу. Я знаю все тропы в этой части леса, подумал я. Но не эту. Когда Том Юэн уедет, Пит Редмарли и Грант Бёрч снова затеют

«британских бульдогов». Не было смысла возвращаться. Я решил пойти по тропе – просто так, посмотреть, куда она ведет.

В чаще только один дом, поэтому его так и называют – Дом в чаще. Там живет какая-то старуха, но я не знаю, как ее зовут, и никогда ее не видел. У дома четыре окна и труба, совсем как дети обычно рисуют домик. Его окружает кирпичная стена в мой рост, а одичавшие кусты вымахали еще выше. Когда мы играем в войну в лесах, то держимся подальше от этого дома. Не потому, что про него ходят рассказы с привидениями. Просто эта часть леса не очень хорошая.

Но сегодня утром дом выглядел таким приземистым и запертым, что я решил: похоже, там больше никто не живет. Кроме того, я уже до того хотел в туалет, что чуть не лопался, а в такие моменты забываешь об осторожности. Так что я помочился на заиндевелую стену. Я только закончил выводить свой автограф парящей желтой струей, как с тихим взвизгом открылась ржавая калитка и оттуда возникла бабка с кислым лицом времен черно-белого кино. Она просто так стояла и смотрела на меня.

У меня струя пересохла.

– Боже мой! Извините!

Я застегнулся, бормоча извинения, – сейчас меня с землей смешают. Если бы моя мама застала мальчишку, писающего на нашу изгородь, она бы с него кожу содрала заживо, а тело пустила бы на компост. Любого мальчишку, включая меня.

– Я не знал... не знал, что тут кто-то живет.

Кисломордая бабка продолжала на меня пялиться.

Мои штаны пестрели брызгами мочи.

– Мы с братом родились в этом доме, – сказала наконец бабка. Шея у нее была дряблая и морщинистая, как у ящерицы. – И не собираемся никуда переезжать.

– О... хорошо... – Я все еще не был уверен – вдруг она сейчас откроет огонь.

– Какие вы, юнцы, шумные!

– Извините...

– Очень неосторожно с вашей стороны было разбудить моего брата.

У меня от ужаса склеился рот.

– Там было много народу, не только я. Честное слово.

– В иные дни мой брат любит юнцов. – Бабка смотрела не мигая. – Но в такие дни, как сегодня, они его приводят в ярость, о да.

– Простите, мне очень жаль, я уже сказал.

– Ты еще пожалеешь, если мой брат до тебя доберется, – с видимым отвращением произнесла она.

Тихие звуки стали чрезмерно громкими, а обычно громких звуков стало совсем не слышно.

– А он... э... где-то здесь? Сейчас? Ваш брат, то есть?

– Его комната осталась точно в том же виде.

– Он что, болен?

Она как будто не слышала.

– Мне пора домой.

– Ты еще пожалеешь, еще как пожалеешь, – она обильно сплюнула, как делают старики, чтобы слюна не текла изо рта, – когда лед треснет.

– Лед? На озере? Он крепкий как не знаю что.

– Вы всегда так говорите. Ральф Бредон так говорил.

– Кто это?

– Ральф Бредон. Мальчишка мясника.

Что-то тут было очень не так.

– Мне правда нужно домой.

Обед в доме по адресу «дом 9, улица Кингфишер-Медоуз, Лужок Черного Лебедя, графство Вустершир» состоял из хрустящих-блинчиков-с-ветчиной-и-сыром марки «Фин-дус», жареной рифленой картошки и брюссельской капусты. Брюссельская капуста на вкус как свежая блевотина, но мама сказала, что я должен съесть пять штук, а то не видать мне кармального пудинга «Ангельский восторг». Мама говорит, что не потерпит подросткового бунта за обеденным столом. Еще перед Рождеством я спросил, какое отношение к подростковому бунту имеет то, что я не люблю брюссельскую капусту. Мама велела мне перестать строить из себя «умника-отличника». Мне бы заткнуться, но я обратил ее внимание на то, что папа никогда не заставляет ее есть дыню (которую она ненавидит), а она не заставляет папу есть чеснок (который ненавидит он). Она взбесилась и отправила меня в мою комнату. А когда папа пришел с работы, то еще и прочитал мне лекцию про наглость.

И карманных денег я в ту неделю тоже не получил.

В общем, в этот раз за обедом я порезал свою брюссельскую капусту на мелкие кусочки и наплюхал сверху побольше кетчупа.

– Папа?

– Да, Джейсон?

– Если человек утонет, что случится с его телом?

Джулия закатила глаза, как Иисус на кресте.

– Мрачноватая тема для обеденного стола, ты не находишь? – Папа прожевал положенный в рот кусок хрустящего блинчика. – А почему ты спрашиваешь?

Про замерзший пруд лучше было не упоминать.

– Ну, в этой книжке, «Полярные приключения», там два брата, Хэл и Роджер Ханты, и за ними бегают нехороший человек по имени Кэгтс, и он проваливается в...

Папа жестом остановил меня:

– Ну, я так думаю, что Кэгтса съели рыбы. Обглодали дочиста.

– А что, в Арктике есть пираньи?

– Любые рыбы съедят что угодно, лишь бы достаточно мягкое. Но имей в виду, если бы он свалился в Темзу, его тело вскоре выбросило бы на берег. Темза всегда отдает своих мертвых, это точно.

Мой обходной маневр был завершен.

– А если он, например, провалится через лед в озеро? Что с ним тогда будет? Может, он так и останется... замороженным?

– Ма-а-ама! – пропищала Джулия. – *Тварь* нарочно изгаляется, когда мы едим.

Мама свернула салфетку трубочкой:

– Майкл, к Лоренцо Хассингтри завезли новую кафельную плитку.

(Моя сестра, жертва аборта, победоносно ухмыльнулась мне в лицо.)

– Майкл?

– Да, Хелена?

– Я подумала, что, может быть, у нас получится заглянуть в салон к Лоренцо Хассингтри по дороге в Вустер. У него новые плитки. Просто исключительные.

– Без сомнения, Лоренцо Хассингтри заломит за них исключительную цену, из соображений гармонии.

– Нам все равно платить за работу, так почему бы не сделать все как следует? Мне уже стыдно перед людьми за нашу кухню.

– Хелена, с какой стати...

Джулия иногда раньше папы и мамы успевает учуять их ссору.

– Можно выйти из-за стола?

– Милая, у нас карамельный пудинг на десерт. «Ангельский восторг»! – Кажется, мама по-настоящему обиделась.

– Да-да, просто объеденье, но можно я съем свою порцию вечером? Меня ждут Роберт Пиль и просвещенные виги. И вообще, Тварь мне весь аппетит отбил.

– Аппетит тебе отбили шоколадные конфеты, которые вы с Кейт Элфрик жрете коробками, – парировал я.

– А куда, интересно, девался шоколадный апельсин? А, Тварь?

– Джулия! – Мама вздохнула. – Пожалуйста, не называй так Джейсона. В конце концов, у тебя только один брат.

– На одного больше, чем нужно, – заявила Джулия и встала.

Тут папа что-то вспомнил:

– Кто из вас заходил ко мне в кабинет?

– Только не я, папа! – Джулия зависла в дверях, почуяв кровь. – Должно быть, это мой честный, милый, послушный младший братик.

Откуда он знает?

– Я задал простой вопрос.

Значит, у него есть улики. Единственный известный мне взрослый, который пытается блефовать в разговорах с детьми, – это мистер Никсон, наш директор школы.

Карандаш! Когда Дин позвонил в дверь, я, наверно, оставил карандаш в точилке. Чертов Дурень.

– У тебя телефон звонил и никак не останавливался, минут пять, честно, так что я...

– Каково правило относительно моего кабинета? – Мой рассказ папе явно был неинтересен.

– Но я подумал, это может быть что-то важное, поэтому я взял трубку и стал... – Вешатель перехватил слово «слушать», – и там кто-то был, но...

Отец жестом скомандовал «СТОП!»:

– Я, кажется, задал простой вопрос.

– Да, но...

– Какой вопрос я тебе задал?

– «Каково правило относительно моего кабинета?»

– Верно.

Папа иногда похож на ножницы. Щелк, щелк, щелк.

– Так почему ты не отвечаешь на мой вопрос?

Тут Джулия сделала странный ход:

– Вот забавно.

– Я не вижу, чтобы кто-нибудь смеялся.

– Нет, папа, я про то, что на второй день Рождества, когда вы повезли Тварь в Вустер, у тебя в кабинете вдруг зазвонил телефон. Честно, он звонил сто лет. Я не могла заниматься. И чем больше я себе говорила, что это вовсе не скорая помощь и не полиция, тем больше уверялась, что это они и есть. В конце концов я чуть с ума не сошла. У меня не было выбора. Я сказала «алло», но на том конце не ответили. Так что я повесила трубку – вдруг это маньяк.

Папа затих, но гнев у него еще не прошел.

– Вот, со мной было то же самое, – рискнул я. – Но я не сразу повесил трубку, потому что думал, может, они меня не слышат. Джулия, у тебя там в трубке ребенок не плакал?

– Так, слушайте меня, вы двое. Нечего строить из себя частных сыщиков. Если какой-то шутник обрывает нам телефон, я не хочу, чтобы кто-либо из вас отвечал. Что бы ни случилось. Если эти звонки повторятся, просто выдерните аппарат из розетки. Ясно?

Мама все это время сидела молча. Что-то тут очень не так.

– ВЫ МЕНЯ СЛЫШАЛИ?

Папины слова были как кирпич, брошенный в окно. Мы с Джулией подскочили.
– Да, папа.

Мама, папа и я съели «Ангельский восторг» в полном молчании. Я не осмеливался даже глаза поднять на родителей. Я не мог попроситься из-за стола, потому что Джулия уже пошла с этой карты. Понятно, почему я оказался в немилости, но почему родители друг с другом не разговаривают? Проглотив последнюю ложку «Ангельского восторга», папа сказал:

– Очень вкусно, Хелена, спасибо. Мы с Джейсоном вымоем посуду – да, Джейсон?

Мама только издала не-звук и ушла наверх.

Папа принялся мыть посуду, мурлыча себе под нос не-песенку. Я составил грязные тарелки на окно, соединяющее гостиную с кухней, а потом пошел на кухню вытирать мытую посуду. Мне следовало бы заткнуться, но я думал, что день еще можно спасти и превратить в обычный, безопасный и нормальный, стоит только найти нужные слова.

– А соловьи, – Вешатель просто обожает ставить мне подножки на этом слове, – бывают в январе? А, папа? Мне сегодня утром показалось, что я слышал одного. В лесу.

Папа тер сковородку железной мочалкой.

– Откуда я знаю?

Я не отставал. Обычно папа любит поговорить о природе и всяком таком.

– Ну тогда, в хосписе у бабушки. Ты сказал, что это соловей.

– А. Надо же, ты запомнил.

Папа устался в окно на задний двор и увешанный сосульками летний домик. Потом издал такой звук, словно участвовал в конкурсе «Самый несчастный человек года – 1982».

– Сосредоточься лучше на стаканах, Джейсон, а то непременно уронишь.

Папа включил радио, второй канал, чтобы послушать прогноз погоды, и принялся кромсать ножницами «Правила дорожного движения» редакции 1981 года. Папа купил «Правила дорожного движения» редакции 1982 года в тот же день, как они вышли. Сегодня на большей части Британских островов температура упадет намного ниже нуля. Водителям в Шотландии и северной части Англии следует быть осторожными, так как на дорогах гололедица, а жителям срединных графств надо повсеместно ждать больших массивов замерзающего тумана.

Я ушел к себе наверх и поиграл в «Жизнь», но играть самому с собой оказалось неинтересно. К Джулии пришла подружка, Кейт Элфрик, чтобы делать уроки вместе. На самом деле они только сплетничали о том, кто из шестого класса с кем гуляет, и крутили синглы *Police*. Мои сто тысяч бед все время всплывали у меня в голове, как трупы в затопленном городе. Папа и мама за обедом. Вешатель мало-помалу оккупирует весь алфавит. Если так пойдет и дальше, мне придется учить язык глухонемых. Гэри Дрейк и Росс Уилкоккс. Они со мной и так никогда не дружили, но сегодня вообще сговорились против меня. И Нил Броуз был с ними заодно. И наконец, у меня из головы не шла кисломордая бабка в лесу. Что все это значит?

Жаль, я не могу просочиться в какую-нибудь трещину, чтобы все проблемы остались позади. На следующей неделе мне исполняется тринадцать лет, но тринадцать, судя по всему, еще хуже, чем двенадцать. Джулия без конца стонет, как трудно жить в восемнадцать лет, но, с моей точки зрения, восемнадцать – просто *эпический* возраст. Никто не гонит в постель к определенному часу, карманных денег дают вдвое больше, чем мне, а свой восемнадцатый день рождения Джулия праздновала в ночном клубе «У Тани» в Вустере и пригласила тысячу друзей. «У Тани» – единственная в Европе дискотека, оборудованная ксеноновым лазером! Круть!

По Кингфишер-Медоуз проехал папа в машине – один.

Мама, скорее всего, еще у себя в комнате. Она там стала подолгу сидеть в последнее время.

Чтобы развеселиться немножко, я надел на руку дедушкины часы «Омега». На второй день Рождества папа позвал меня к себе в кабинет и сказал, что должен вручить мне одну очень важную вещь, дедушкину. Папа хранил ее, пока я не вырос достаточно, чтобы мне ее доверить. Это были часы. «Омега Симастер де Виль». Дедушка купил их у настоящего живого араба в порту, который называется Аден, в 1949 году. Аден – это в Аравии, когда-то он был британской территорией. Дедушка носил эти часы, не снимая, всю жизнь и даже умер в них. Но от этого часы меня не пугали, а только стали еще важнее. Циферблат у них серебряный и большой, размером с монету в пятьдесят пенсов, но тонкий, как фишка для игры в «блочки».

– Тонкость – это признак качественных часов, – сказал папа, серьезный, как могила. – Не то что пластиковые лоханки, которые нынешние подростки цепляют себе на руки, чтобы повыставляться.

Я гениально спрятал «Омегу» – по надежности этот тайник уступает только моему другому тайнику, жестянке от бульонных кубиков под половицей. Вырезал перочинным ножом дырку в дурацкой книжке под названием «Столярное дело для мальчиков». Она стоит у меня на полке среди настоящих книг. Джулия часто роется в моих вещах, но этот тайник она не обнаружила. Я знаю, потому что уравнивал на книжке сверху полупенсовик. Кроме того, если бы Джулия нашла этот тайник, она точно украла бы мою идею. А я проверил ее книжную полку на предмет тайников в книгах и ни одного не нашел.

Снаружи раздался звук незнакомой машины. Небесно-голубой «фольксваген-джетта» полз вдоль тротуара, словно водитель всматривался в номера домов. Доехав до конца нашего тупика, водитель – он оказался женщиной – развернулся (при этом мотор один раз заглох), и машина удалилась по Кингфишер-Медоуз. Надо было запомнить номер – вдруг его покажут в передаче «Телефон полиции 999».

Дедушка умер последним из всех моих дедушек и бабушек, и он единственный из них, кого я помню. Хотя бы отрывочно. Я рисую мелом дорогу для игрушечных машинок на дорожке в дедовом саду. Я в доме у деда в Грейндж-овер-Сэндз, смотрю фильм про войну и пью газировку под названием «Одуванчик и лопушок».

Часы стоят – я завожу их и ставлю стрелки на три часа с минутами.

«Иди на озеро», – бормочет Нерожденный Близнец.

На тропе через лес есть узкое место, на котором, как страж, стоит вязовый пенёк. На этом пне сидел Подгузник. Подгузника по-настоящему зовут Мервин Хилл, но один раз мы переодевались на физкультуру, он стянул штаны, и мы увидели, что на нем надет подгузник. Ему тогда было лет девять. Грант Бёрч начал его звать Подгузником, и уже много лет его никто не зовет настоящим именем. Проще поменять глазные яблоки, чем кличку.

Короче, Подгузник качал на сгибе локтя и поглаживал что-то пушистое, лунно-серое.

– Было ницё, стало моё. Кто насёл – белёт себе!

– Привет, Подгузник. Что это у тебя там?

У Подгузника все зубы в каких-то пятнах.

– Не показу!

– Ну ладно тебе. Мне-то покажи.

– Кит... кит... – забормотал Подгузник.

– «Кит-кэт»? Батончик?

Подгузник приоткрыл голову спящего котенка:

– Китка! Была ницья, стала моя.

– Ух ты. Кошка. Где ты ее нашел?

– У озера. Лано-лано утлом, когда есё никто не плисёл. Я ее сплятал, пока все иглали.

Сплятал в колобке.

– А почему ты никому не показал?

– Бэлч, и Ледмалли, и Свиныйялд у меня бы ее отоблали! Вот посему! Я ее сплятал. А тепель велнулся.

Подгузник иногда выкидывает фортели.

– Она как-то тихо сидит, а?

Подгузник молча гладил кошку.

– Мерв, ну можно я ее подержу?

– Только никому ни слова! Тогда я тебе лазлешу ее погладить. Только сними перчатки.

Они колючие.

Я снял вратарские перчатки и потянулся к котенку.

Подгузник швырнул котенком в меня:

– Она тепель твоя!

Я машинально поймал котенка.

– Твоя! – Подгузник захохотал и помчался прочь, к деревне. – Твоя!

Котенок был холодный и окоченевший, как упаковка мяса из холодильника. Я только теперь понял, что ондохлый. Я уронил котенка. Он стукнулся об землю.

– Кто насёл – белёт себе! – завопил Подгузник и затих вдали.

Двумя палочками я поднял котенка и перекинул его в заросли первых подснежников, рискнувших пробиться наверх.

Он был такой неподвижный и полный достоинства. Наверно, замерз прошлой ночью.

Мертвые существа показывают нам, какими и мы станем когда-нибудь.

Я думал, что на замерзшем озере не будет ни души, и так и оказалось. По телевизору в это время шел «Супермен-2». Я уже видел его в кинотеатре в Мальверне года три назад, когда мы туда ходили на день рождения Нила Броуза. Фильм неплохой, но замерзшее озеро в моем личном распоряжении – это гораздо круче. Кларк Кент отдал свою суперсилу ради того, чтобы иметь половые сношения с Лоис Лейн на сверкающей постели. Кто согласится на такой дурацкий обмен? Ведь он умел *летать*! Отражал ядерные боеголовки в космос! Поворачивал время вспять, крутя Землю в обратную сторону! Не может быть, чтобы половое сношение всего этого стоило.

Я сел на пустую скамью и съел кусок ямайской имбирной коврижки, а потом вышел на лед. Конечно, когда никто не смотрел, я не упал ни разу. Я кружился и кружился, закладывая виражи против часовой стрелки, словно камень, привязанный на веревку. Нависшие над озером деревья скрюченными пальцами тянулись к моей голове. Грачи кр-кр-кричали, как старики, которые забыли, зачем пошли на второй этаж.

Это вроде транса.

День уже кончился, и небо начало превращаться в открытый космос, когда я заметил на льду другого мальчика. Он катался с той же скоростью, что и я, и по моей траектории, но все время держался на противоположном от меня конце озера. Когда я был на двенадцати часах, он был на шести. Когда я добирался до одиннадцати, он оказывался на пяти, и так далее, всегда в самой дальней точке. Я решил, что это может быть Ник Юэн: он был такой, приземистый. Но странное дело, стоило мне взглянуть в этого мальчишку больше чем на секунду, и его съедали какие-то темные пятна. В первые несколько раз я решил, что он ушел домой. Но стоило мне сделать полкруга по озеру, как он возникал снова. Я его видел краем глаза. Один раз я покати́л напрямую через озеро, чтобы его перехватить, но он исчез, не успев я добраться и до острова в середине. Когда я вернулся на орбиту, идущую по окружности озера, мальчик опять появился.

«Беги домой! – кричал у меня в голове Глист. – Что, если он – привидение?»

Мой Нерожденный Близнец терпеть не может Глиста. «Что, если он – привидение?»

– Ник? – крикнул я. Голос прозвучал как будто в комнате. – Ник Юэн?

Мальчик продолжал катиться.

– Ральф Бредон? – крикнул я.

Ответ долетел до меня только через полный оборот по орбите:

«Мальчишка мясника».

Если бы врач сказал мне, что мальчик на озере – моя выдумка, а его слова прозвучали только у меня в голове, я бы не стал спорить. Если бы Джулия сказала мне, что я сам себя убедил в присутствии Ральфа Бредона, чтобы счесть себя особенным, я бы не стал спорить. Если бы какой-нибудь мистик сказал мне, что в один конкретный момент в одной конкретной точке пространства может, как антенна, принимать слабые сигналы от уже не существующих людей, я бы не стал спорить.

– Каково там? – крикнул я. – Холодно, наверно?

Ответ долетел до меня только через еще один оборот по орбите:

«К холоду привыкаешь».

Может, дети, утонувшие в озере за многие годы, сердятся, что я бегаю у них по крыше? Может, они хотят, чтобы к ним попадали все новые дети? Для компании? Может, они завидуют живущим? Даже мне?

Я крикнул:

– Ты можешь мне показать? Показать, каково там?

В небесное озеро всплыла луна.

Мы сделали один оборот по орбите.

Призрачный мальчишка был все еще тут – он несся по льду, пригибаясь, совсем как я.

Мы сделали еще один оборот по орбите.

Сова или что-то такое пропорхнуло низко надо льдом.

– Эй! – крикнул я. – Ты меня слышал? Я хотел узнать, каково...

Лед смахнул меня с ног. Хаотическую долю секунды я висел в воздухе на совершенно неправдоподобной высоте. Как Брюс Ли в каратешном ударе – вот так высоко. Я знал, что мягкой посадки не выйдет, но все равно не ожидал, что будет *так* больно. Трещина пробежала по всему телу, от щиколотки до челюсти, до костяшек пальцев, как ледяной кубик, брошенный в теплый лимонад. Нет, больше, чем ледяной кубик. Зеркало, брошенное на землю с высоты «Скайлэба». И место, где оно ударилось о землю, распавшись на кинжалы, шипы и невидимые занозы, – это и была моя щиколотка.

Я завертелся на льду и остановился, дрожа, у берега.

Несколько секунд я только и мог, что лежать, купаясь в сверхъестественной боли. Даже Великанский Стог на моем месте заскулил бы.

– С-с-сука! – выдохнул я, чтобы не заплакать. – Сука, сука, сука!

Сквозь острые, как кремневые осколки, деревья едва доносился слабый шум с шоссе, но мне туда было не добрести. Я попробовал встать, но плюхнулся на задницу, морщась от нового приступа боли. Я не мог двинуться. Если я здесь останусь, то умру от воспаления легких. Я не знал, что делать.

– Опять ты, – вздохнула кислая бабка. – Мы так и думали, что ты скоро опять заявишься.

– Мне больно. – Голос меня не слушался. – Я повредил ногу.

– Вижу.

– Так больно, что я сейчас умру.

– Да уж наверно.

– Можно я только позвоню от вас папе, чтобы он меня забрал?

– Мы не любим телефонов.

– А вы не могли бы сходить и позвать кого-нибудь? Пожалуйста!

– Мы никогда не выходим из дому. Ночью-то. Здесь-то.

– Пожалуйста! – Боль накрывала и трясла меня, как будто я был под водой, и голос вышел громкий, как электрогитара. – Я не могу идти.

– Я понимаю в костях и суставах. Зайди-ка в дом.

В доме было холоднее, чем снаружи. У меня за спиной скользнула на место задвижка и повернулась ручка замка.

– Пошел-пошел, – произнес голос кислой бабки, – пошел вперед, в гостиную. Я приду сразу, как приготовлю, чем тебя лечить. Но что бы ты там ни делал, веди себя тихо. Ты очень пожалеешь, если разбудишь моего брата.

– Хорошо... – отвел я взгляд. – Где у вас гостиная?

Но в темноте зашаркало, и кислая бабка исчезла.

Далеко, в другом конце коридора, виднелось лезвие мутного света, и я похромал туда. Одному Богу известно, как я пришел сюда на раздробленной лодыжке от замерзшего озера по кривой, бугрящейся корнями тропе. Но как-то, должно быть, пришел, раз я здесь. Я проковылял мимо лестницы. На нее падал приглушенный лунный свет, и я разглядел старую фотографию на стене. Подводная лодка в каком-то порту, судя по виду – где-то в Арктике. Экипаж стоит на палубе, салютует. Я побрел дальше. Лезвие света никак не приближалось.

Гостиная была чуть больше крупного гардероба и вся набита музейным барахлом. Пустая клетка для попугая, валки для отжима белья, огромный комод, коса. И всякий мусор. Гнущее велосипедное колесо и одна футбольная бутса, покрытая закаменевшим илом. Пара древних коньков висела на вешалке для пальто. Здесь не было ни одного современного предмета. И камина тоже не было. Ничего электрического, кроме побуревшей голой лампочки. Волосатые растения высывали беловатые корни из крохотных горшков. Боже, как холодно! Диван промялся подо мной, выпуская из себя звук «ссссс». Из гостиной вел еще один дверной проем, завешенный занавеской из бус. Я попытался найти позу, в которой щиколотка болела бы меньше, но не вышло.

Наверно, прошло какое-то время.

Кислая бабка держала в одной руке фарфоровую миску, а в другой – мутный стакан.

– Снимай носок.

Щиколотка раздулась, ступня висела мертвым грузом. Кислая бабка подставила мне под икру табуретку и встала на колени рядом. Ее платье шуршало. Это был единственный звук в комнате, если не считать звона крови у меня в ушах и моего прерывистого дыхания. Бабка сунула руку в миску и принялась размазывать по моей щиколотке кашу, похожую на хлебный мякиш.

Щиколотка вздрагивала.

– Это припарка. – Бабка ухватила поудобнее мою ногу. – Чтобы снять отек.

Припарка покалывала, но боль не унималась, и еще я изо всех сил сопротивлялся холоду. Кислая бабка вымазала всю кашу мне на щиколотку, и каша схватилась, как клей. Бабка сунула мне мутный стакан:

– Выпей.

– Оно пахнет... марципаном.

– Не нюхай. Пей.

– Но что это?

– Это снимает боль.

По ее лицу я понял, что выбора у меня нет. Я осушил стакан одним глотком, как пьют микстуру магнезии. Жидкость была густая, как сироп, без особого вкуса.

– А ваш брат спит наверху? – спросил я.

– А где же ему быть, Ральф? А теперь – тсс.

– Я не Ральф, – сообщил я, но она как будто не слышала.

Я бы прояснил это явное недоразумение, но потребовалось бы много сил, а теперь, когда перестал двигаться, я уже больше не мог бороться с холодом. Странное дело: как только я сдался, меня окутала дивная сонливость и словно потянула вниз. Я представил себе маму, папу и Джулию – как они сидят дома на диване и смотрят по телевизору «Волшебство Пола Дэниелса», но их лица растаяли и уплыли, как отражения на выпуклой стороне ложки.

Я проснулся – холод будто растолкал меня. Я не знал, где я, кто я и когда я. Уши болели, как будто их кто-то откусил, и я видел в воздухе свое дыхание. На табуретке стояла фарфоровая миска, а моя щиколотка была покрыта какой-то жесткой губчатой коркой. Тут я все вспомнил и сел. Нога уже не болела, но в голове что-то было не так, как будто в нее залетела ворона и не могла вылететь обратно. Я обтер щиколотку засморканным носовым платком. Чудно: ступня прекрасно вертелась, излеченная, словно по волшебству. Я натянул носок, обулся, встал и осторожно перенес вес на поврежденную ногу. В ней слабо кольнуло, но я это почувствовал только потому, что изо всех сил прислушивался.

– Ау? – крикнул я через занавеску из бус.

Ответа не было. Я прошел сквозь сухо шелкающие бусы в крохотную кухню с каменной раковиной и *огромной* печью. В ней поместился бы ребенок. Дверца печки была оставлена открытой, но внутри было темно, как в треснутой гробнице в подzemелье под церковью Святого Гавриила. Я хотел поблагодарить кислую бабуку за то, что она вылечила мне ногу.

«Проверь лучше, открывается ли задняя дверь», – предостерег Нерожденный Близнец.

Дверь не открывалась. И подъемное окно в морозных узорах – тоже. Его задвижки и петли были давным-давно закрашены сверху, и даже для того, чтобы слегка сдвинуть раму вверх, понадобилось бы зубило. Интересно, сколько времени. Я попытался разглядеть циферблат дедушкиной «Омеги», но в кухне было слишком темно. А если сейчас поздний вечер? Я приду домой, а ужин будет ждать меня на столе под жаропрочной стеклянной миской. Папа и мама взбесятся, если я не вернусь к ужину. А если уже за полночь? Вдруг они обратились в полицию? Господи. А что, если я проспал целый короткий день и сейчас уже следующая ночь? «Мальверн-газеттир» и «Мидлендс тудей» уже напечатали мою школьную фотографию и обращение к возможным свидетелям. Господи. Подгузник наверняка сообщил, что видел меня у замерзшего озера. Может, меня уже там ищут с аквалангами.

Это какой-то дурной сон.

Но все оказалось еще гораздо хуже. Вернувшись в гостиную, я посмотрел на дедушкину «Омегу» и увидел, что времени нет. «Не-е-ет!» – проскулил я. Стекло, часовая стрелка, минутная – все исчезло. Осталась только гнутая секундная стрелка. Наверно, это случилось, когда я упал на лед. Корпус часов треснул, и начинка лезла наружу.

Дедушкины часы сорок лет шли секунда в секунду.

Я прикончил их меньше чем за две недели.

Шатаясь от ужаса, я прошел по коридору и просипел, глядя на верх кривой лестницы:

– Ау?

Темнота и безмолвие, как ночью в ледниковый период.

– Мне надо идти!

Я боялся из-за раздавленных часов и боялся оставаться в этом доме, но все же не осмеливался кричать, чтобы не разбудить этого самого брата.

– Мне пора домой, – произнес я чуть погромче.

Ответа не было. Я решил попросту выйти через переднюю дверь. Потом вернусь при свете дня и поблагодарю бабуку. Задвижки легко отъехали в сторону, но старомодный замок не поддавался. Он не откроется без ключа. Ничего не поделаешь. Надо идти наверх, будить бабуку, брать у нее ключ, а если она разозлится – что ж тут. Я должен, *должен* что-то сделать,

исправить катастрофу с часами. Одному Богу известно что, но внутри Дома в чаше я этого точно сделать не смогу.

Лестница оборачивалась вокруг себя и становилась все круче. Скоро мне пришлось цепляться за ступеньки руками, чтобы не упасть. Как, ради всего святого, бабка, похожая на шахматную ладью в своем негнущемся платье, лазит по этой лестнице? Наконец я вылез на крохотную площадку с двумя дверями. Через окошко-щель брезжил свет. Одна из этих дверей должна быть бабкина. Вторая, стало быть, брата.

«Левая – волшебная». Я схватился за круглую железную ручку левой двери. Она высала все тепло из кисти, потом из всей руки, из всей моей крови.

Скрич-скрач.

Я замер.

Скрич-скрач.

Жук-древоточец? Крыса на чердаке? Труба потрескивает, замерзая?

Из какой комнаты доносится это «скрич-скрач»?

Я повернул круглую железную ручку, и раздался хитрый, словно закрученный, скрип.

Сквозь кружевную занавеску со снежинками лунный свет будто пудрой осыпал чердачную комнату. Я угадал. Кислая бабка лежала под лоскутным одеялом – неподвижно, как мраморная герцогиня на крышке саркофага. На тумбочке у кровати стояла банка со вставной челюстью. Я прошаркал к кровати по корявому полу. Мысль о том, что надо будить бабку, меня пугала. Что, если она про меня забыла и решит, что я пришел ее убить, начнет звать на помощь и ее хватит кондрашка? Волосы рассыпались по впавшему лицу, как водоросли. Каждые десять-двадцать сердцебиений изо рта бабки вылетало облачко дыхания. Если бы не это, невозможно было бы поверить, что она из плоти и крови, как я.

– Вы меня слышите?

Нет, придется ее трясти.

Я потянулся к ее плечу – моя рука прошла половину расстояния, когда «скрич-скрач» послышался снова, глубоко в недрах бабки.

Это не храп. Это предсмертный хрип.

Пойти в другую спальню. Разбудить ее брата. Нужно вызвать «скорую». Нет. Разбить окно и выбраться из дома. Побежать к Айзеку Паю в «Черный лебедь» за помощью. Нет. Тебя первым делом спросят, что ты делал в Доме в чаше. Что ты скажешь? Ты даже не знаешь, как зовут эту женщину. Слишком поздно. Она умирает, вот прямо сейчас умирает. Я не сомневался. «Скрич-скрач» набирал силу, звучал громче, насекомое, острее, кинжальнее.

Трахея бабки выпирает, пока душа выдавливается из сердца.

Изработанные глаза распахиваются, словно кукольные, – черные, стеклянистые, испуганные.

Из черного провала рта вылетает молния.

В воздухе висит безмолвный рев.

Мне уже никуда не уйти.

Вешатель

Тьма, свет, тьма, свет, тьма, свет. Дворники «датсуна» даже на максимальной отметке не справляются с дождем. Когда навстречу пролетают огромные многоосные грузовики, на лобовом стекле взбивается пена. Видимость – как в автомойке: я едва-едва разглядел два военных радара, крутящиеся с немыслимой скоростью. Ждут, когда на нас обрушится вся мощь войск Варшавского договора. Мы с мамой почти всю дорогу молчим. Частично, думаю, из-за того, куда она меня везет. (Часы на приборной доске показывают 16:05. Ровно через семнадцать часов состоится моя публичная казнь.) Мы остановились перед светофором на переходе, где надо нажимать кнопку, у закрытого косметического салона, мама спросила, как прошел мой день, и я ответил: «Ничего». Я в ответ спросил, как прошел ее день, и она сказала: «Спасибо, хорошо – я смогла реализовать свое искрометное творческое начало и теперь испытываю чувство глубокого удовлетворения». Мама умеет быть убийственно саркастичной, хотя меня за это ругает.

– Тебе кто-нибудь подарил валентинку?

Я сказал, что нет, но, даже если бы и подарили, я все равно сказал бы маме, что нет. (Точнее, мне пришла одна, но я ее выкинул. На ней было написано: «Пососи у меня» – и стояла подпись «Бест Руссо», хотя почерк скорее смахивал на Гэри Дрейка.) Дункан Прист получил четыре штуки. Нил Броуз – семь (во всяком случае, он так сказал). Энт Литтл выведаль, что Ник Юэн получил *двадцать*. Я не стал спрашивать маму, досталась ли ей валентинка. Папа говорит, что День святого Валентина, День матери, День безрукого вратаря и тому подобное – все это изобрели производители поздравительных открыток и шоколадных конфет.

В общем, мама высадила меня у светофора в Мальверн-Линк, возле поликлиники. Я забыл свой дневник в бардачке машины, и, если бы свет не сменился на красный, мама бы так и уехала к Лоренцо Хассингтри с моим дневником. (Джексон – не особенно крутое имя, но, если бы в нашу школу забрел какой-нибудь Лоренцо, его бы сожгли бунзеновскими горелками до смерти.) Надежно спрятав дневник в сумку, я пересек залитую водой стоянку машин при поликлинике, прыгая с одного сухого места на другое, как Джеймс Бонд по спинам крокодилов. У входа ошивалась пара ребят из второго или третьего класса школы имени Дайсона Перринса. Они увидели, что на мне форма враждебной школы. Если верить Питу Редмарли и Гилберту Свинъярду, раз в год все четвероклассники Дайсона Перринса и четвероклассники нашей школы вместо уроков встречаются в тайном месте, огороженном кустами, на Пулбрукском общинном лугу для драки стенка на стенку. Кто струсит, тот педик, а кто стукнет учителям, тот покойник. И три года назад Плуту Ноук треснул их самого крутого пацана так, что тому в больнице пришивали челюсть обратно. И он до сих пор ест только жидкое через соломинку. К счастью, дождь был такой сильный, что парни из Дайсона Перринса не стали со мной связываться.

Я пришел в клинику уже второй раз в этом году, поэтому хорошенькая девушка в регистратуре меня узнала.

– Джейсон, я сейчас вызову миссис де Ру. Присядь пока.

Эта девушка мне нравится. Она знает, зачем я здесь, и потому не заводит со мной бессмысленных разговоров, которые только вытаскивают на свет мою проблему. В вестибюле пахнет дезинфекцией и нагретой пластмассой. Люди, которые тут сидят и ждут приема у врача, обычно выглядят вполне нормально, как будто у них нет ничего серьезного. Но и у меня нет ничего такого, во всяком случае с виду. Мы сидим очень близко друг к другу, но о чем нам говорить, кроме темы, на которую никто из нас говорить не хочет: «Так почему вы здесь?» Одна бабка вязала. Спицы сплетали шум дождя с пряжей. Мужчина со слезящимися глазками,

похожий на хоббита, раскачивался взад-вперед. Женщина с проволочными вешалками вместо костей сидела и читала «Обитателей холмов». В вестибюле есть клетка для младенцев, с кучей обсосанных игрушек, но сегодня она пустовала. Зазвонил телефон, и хорошенькая регистраторша взяла трубку. Наверно, это была какая-нибудь подружка, потому что регистраторша прикрыла трубку и рот рукой и понизила голос. Господи, как я завидую людям, которые могут говорить, что им вздумается, как только оно в голову придет, не проверяя предварительно, нет ли там запинательных слов. Часы со слоненком Дамбо выстукивали: «зав-тра ско-ро придет, по-зор с со-бой при-не-сет, те-бе до трех не со-счи-тать, нач-ни о-пять, о-пять, о-пять». (Четверть пятого. Мне осталось жить шестнадцать часов пятьдесят минут.) Я взял потрепанный журнал «Нэшнл джиогрэфик». В нем была статья про то, как одна американка научила шимпанзе разговаривать на языке глухонемых.

Большинство людей думают, что заикаться и запинаться – это одно и то же. На самом деле это такие же разные вещи, как запор и понос. Заикание – это когда ты произносишь первую часть слова, но не можешь удержаться и повторяешь ее много раз. Вот так: «За-за-за-за-ика». А запинание – это когда ты произносишь первый кусок слова и застреваешь. Вот так: «За... ПИНка!» Я запинаясь и именно поэтому хожу к миссис де Ру. (Ее на самом деле так зовут. Фамилия у нее голландская, а не австралийская, хоть и рифмуется с «кенгуру».) Я начал к ней ходить пять лет назад, когда было засушливое лето и Мальвернские холмы все побурели. Как-то в школе мисс Трокмортон играла с нами в «виселицу» на классной доске. В окно вливались струи солнечного света. На доске было написано:

СО-О-ЕЙ

Любой дебил угадал бы это слово, так что я поднял руку. Мисс Трокмортон кивнула мне, и этот момент разделил мою жизнь на две эпохи: до прихода Вешателя и после. Слово «соловей» билось у меня в черепе, но никак не вылезало. Я сказал «с», но чем сильнее выдавливал из себя остальное, тем сильнее затягивалась петля. Помню, как Люси Снисс зашептала на ухо Анджеле Буллок и обе захихикали в кулачок. Помню, как удивленно смотрел на меня Робин Саут. Я бы отреагировал точно так же, если бы такое творилось с кем-нибудь другим. Когда человек запинаясь, у него выпучиваются глаза, он багровеет и трясется, как участники матча по армрестлингу, когда силы равны, а губы хлопают, как у рыбы, бьющейся в сети. Должно быть, со стороны это выглядит забавно.

Мне, впрочем, было не до смеха. Мисс Трокмортон ждала. Весь класс ждал. Ждали все до единой вороны и все пауки в Лужке Черного Лебедя. Каждое облако в небе, каждая машина на шоссе, даже миссис Тэтчер в палате общин – все замерли, прислушиваясь, наблюдая и думая: «Что такое творится с Джейсоном Тейлором?»

Но, несмотря на весь мой шок, страх, удушье и стыд, несмотря на то что я выглядел полнейшим калекой, несмотря на то что я ненавидел себя за неспособность произнести обычное слово на своем родном языке, я не смог сказать «соловей». В конце концов мне пришлось выдать из себя: «Не могу сказать», и мисс Трокмортон сказала: «Понятно». Ей действительно было все понятно. В тот же вечер она позвонила моей маме, и через неделю меня повели на прием к миссис де Ру, логопеду из поликлиники в Мальверн-Линке. Это было пять лет назад.

Должно быть, как раз в это время (может быть, в тот самый день) мое запинание приняло облик Вешателя. Щучьи губы, сломанный нос, брыли как у носорога, красные глазки (потому что он никогда не спит). Я представил себе, как он стоит над новорожденными младенцами в Престонской больнице и водит пальцем, бормоча считалочку, – выбирает себе добычу. Он касается моих расслабленных губ и бормочет: «Моё». Но лучше всего я знаю не лицо его, а руки. Его змеистые пальцы, что проникают в мой язык и сжимают горло, чтобы я уж точно не мог ничего сказать. Он всегда больше всего любил слова на «С». Когда мне было семь, я боялся

вопроса «Сколько тебе лет?». В конце концов я начал в ответ показывать семь пальцев, как будто в шутку. Но я знаю, что собеседники всегда думали: «Вот дебил, почему нельзя просто сказать?» Вешатель любил и слова на «У», но в последнее время охладил к ним и переключился на «П». Это очень плохо. Загляните в любой словарь: слов на «П» там больше всего. На «П» и «С» начинаются в общей сложности двадцать миллионов слов. После того, что русские начнут атомную войну, я больше всего боюсь, что Вешатель заинтересуется словами на «Д», потому что тогда я *даже свое собственное имя перестану выговаривать*. Придется официально менять имя по документам, но папа мне этого никогда не позволит.

Единственный способ перехитрить Вешателя – заранее обдумывать каждую фразу, и, если в ней окажется запинательное слово, менять его на другое. Конечно, все это надо делать так, чтобы собеседник ни о чем не догадался. Я читаю словари – это помогает финтить и увертываться, но нужно еще помнить, с кем разговариваешь. (Например, если бы я говорил с другим тринадцатилетним парнем и сказал бы «меланхоличный», чтобы не запнуться на слове «печальный», меня подняли бы на смех, потому что детям не положено использовать взрослые слова, вроде «меланхоличный». Во всяком случае, в общеобразовательной школе Аптона-на-Северне не положено.) Другая стратегия: говорить «э-э-э», чтобы выиграть время, – может быть, Вешатель отвлечется, и тебе удастся контрабандой протащить наружу заветное слово. Но если все время говорить «э-э-э», будешь выглядеть как полный дебил. И наконец, если учитель задаст тебе прямой вопрос, ответ на который – запинательное слово, то лучше притвориться, что не знаешь ответа. Я так делал бесчисленное количество раз. Иногда учителя в ответ слетают с катушек (особенно если они только что пол-урока объясняли как раз эту тему), но я на все готов, лишь бы не получить звание «школьного заики».

До сих пор я кое-как выворачивался, но завтра утром в пять минут десятого окажусь в безвыходном положении. Мне придется встать на виду у Гэри Дрейка, и Нила Броуза, и всего класса и читать вслух из книги мистера Кемпси «Простые молитвы для сложного мира». В тексте будут десятки запинательных слов, которые я не смогу заменить и не смогу притвориться, что не знаю их, потому что вот они – напечатаны прямо на странице. Пока я буду читать, Вешатель будет радостно забегать вперед, подчеркивая все свои любимые слова на «П» и на «С» и бормоча мне в ухо: «Ну-ка, Тейлор, попробуй выжать из себя это словечко!» Я знаю, что на глазах у Гэри Дрейка, Нила Броуза и всего класса Вешатель просто раздавит мне горло в кашу, изувечит язык, скомкает лицо. Хуже, чем у Джоуи Дикона. Я буду запинаться так, как никогда в жизни еще не запинался. К четверти десятого моя тайна разнесется по всей школе, как ядовитый газ во время химической атаки. К концу первой перемены мне уже будет незачем жить на свете.

Вот самая чудовищная история, какую я когда-либо слышал. Пит Редмарли поклялся могилой своей бабушки, что это правда, значит, наверно, все на самом деле так и было. Один мальчик в шестом классе сдавал экзамены. У него были ужасные родители, которые все время на него давили, чтобы он учился только на отлично, и, когда этот мальчик пришел на экзамен, он просто сломался и даже не смог понять ни одного вопроса. И вот что он сделал: взял из пенала две шариковые ручки «Бик», наставил острыми концами себе на глаза, встал и со всей силы ударил головой о парту. Прямо в экзаменационном классе. Ручки проткнули ему глазные яблоки и вошли так глубоко, что из глазниц торчали только пеньки длиной в дюйм и с них капало. Директор школы мистер Никсон замял дело, так что оно не попало ни в газеты, никуда. Ужасная, тошнотворная история, но лучше я убью Вешателя таким образом, чем позволю ему убить меня завтра утром.

Я серьезно.

Подошвы туфель миссис де Ру громко стучат, поэтому я всегда знаю, когда она за мной идет. Ей сорок лет, а может, чуть больше; у нее волнистые волосы бронзового цвета, она носит

крупные серебряные броши и одежду в цветочек. Миссис де Ру отдала хорошенькой регистраторше папку, неодобрительно цокнула языком при виде дождя за окном и сказала: «Никак муссоны разгулялись в темных дебрях Вустершира!» Я согласился, что льет как из ведра, и быстро ушел с миссис де Ру. Пока другие пациенты не догадались, что со мной не так. Мы пошли по длинному коридору мимо указателей со словами вроде «Педиатрия» и «Ультразвуковое обследование». (В мой мозг никакому ультразвуку не проникнуть. Я его обману – буду перечислять в уме все спутники в Солнечной системе.)

– Февраль в этих местах ужасно мрачный, – заметила миссис де Ру. – Правда? Прямо не месяц, а какое-то утро понедельника длиной в двадцать восемь дней. Уходишь из дому – темно, возвращаешься – опять темно. А в такие дождливые дни живешь как будто в пещере за водопадом.

Я рассказал миссис де Ру то, что слышал про эскимосских детей, – как они проводят время под лампами искусственного солнечного света, чтобы не болеть цингой, потому что на Северном полюсе зима длится большую часть года. Я посоветовал миссис де Ру купить лежак с лампами для загара, как в солярии. Она сказала, что подумает.

Мы прошли мимо кабинета, где воющему младенцу только что сделали укол. В следующем кабинете девушка возраста Джулии сидела в инвалидном кресле. Вместо одной ноги у нее ничего не было. Эта девушка наверняка согласилась бы взять мое запинание, лишь бы ей вернули ногу. Интересно, неужели нам, чтобы быть счастливыми, нужно чужое несчастье. Впрочем, это работает в обе стороны. После завтрашнего утра люди будут при виде меня думать: «Может, я и сижу в дерьме, но мне хотя бы не приходится быть на месте Джейсона Тейлора. Я хотя бы разговаривать умею».

Февраль – любимый месяц Вешателя. Ближе к лету он впадает в спячку до осени, и я начинаю говорить получше. Надо сказать, что пять лет назад, после первой серии посещений миссис де Ру, ко времени, когда у меня началась сенная лихорадка, все решили, что мое запинание прошло. Но в ноябре Вешатель просыпается опять, вроде Джона Ячменное Зерно наоборот. К январю он уже как новенький, и я снова начинаю ходить к миссис де Ру. В этом году Вешатель злобствует, как никогда. Две недели назад у нас гостила тетя Алиса, и однажды вечером я переходил лестничную площадку и услышал, как тетя внизу говорит маме:

– Честное слово, Хелена, ты вообще собираешься делать что-нибудь с его заиканием? Это же социальное самоубийство! Я никогда не знаю, то ли закончить за него фразу, то ли так и оставить в подвешенном состоянии.

Подслушивать страшно интересно, потому что узнаешь, что люди на самом деле про тебя думают. Но иногда от подслушивания портится настроение – по той же самой причине. Когда тетя Алиса уехала обратно в Ричмонд, мама усадила меня для разговора и сказала, что, наверно, мне не повредит снова сходить к миссис де Ру. Я согласился, потому что и сам хотел, но не просил об этом потому, что мне было стыдно, и еще потому, что, когда я говорю о своем запинании, оно становится более настоящим.

В кабинете у миссис де Ру пахнет растворимым «Нескафе». Она беспрестанно пьет «Нескафе голд». У нее в кабинете два продавленных дивана, один ковер цвета желтка, пресс-папье в виде драконьего яйца, игрушечная многоэтажная автомобильная стоянка фирмы «Фишер-прайс» и огромная зулусская маска из Южной Африки. Миссис де Ру родилась в Южной Африке, но в один прекрасный день правительство велело ей покинуть страну в двадцать четыре часа, или ее посадят в тюрьму. Не потому что миссис де Ру сделала что-то плохое, а потому, что правительство в Южной Африке так поступает с людьми, которые не согласны, что цветных надо сгонять в резервации, в глиняные хижины с соломенными крышами, без школ, больниц и работы. Джулия говорит, что южноафриканская полиция иногда не замора-

чивается с тюрьмами, а просто сбрасывает людей с крыши высотного здания и говорит, что они пытались бежать. Миссис де Ру и ее муж (он индеец, нейрохирург) сбежали на джипе в Родезию, но все имущество им пришлось оставить. Правительство забрало его себе. (Я все это знаю из интервью, которое миссис де Ру дала «Мальверн-газеттир».) Когда у нас зима, в Южной Африке лето, поэтому февраль у них – чудный жаркий месяц. У миссис де Ру до сих пор остался забавный акцент. Вместо «да» она говорит «до».

– Ну что, Джейсон? Как дела?

Обычно, когда у тебя спрашивают, как дела, в ответ ожидают услышать только «Спасибо, хорошо», но миссис де Ру на самом деле интересно, как у меня дела. Поэтому я рассказал ей про завтрашний классный час. Мне почти так же стыдно говорить про свое запинание, как собственно запинаться, но к разговорам с миссис де Ру это не относится. Вешатель знает, что с ней шутки плохи, поэтому в ее присутствии делает вид, что его нет. Это хорошо, значит я все-таки способен разговаривать как нормальный человек, но и плохо – как миссис де Ру побьет Вешателя, если он все время от нее прячется?

Миссис де Ру поинтересовалась, не просил ли я мистера Кемпси дать мне освобождение на несколько недель. Я сказал, что уже просил, и вот что он ответил: «Тейлор, каждому из нас в один прекрасный день придется взглянуть в лицо своим демонам, и для тебя настал этот день». На классных часах все ученики читают по очереди, по алфавиту. Мы дошли до буквы «Т», а раз моя фамилия Тейлор, значит наступила моя очередь, и, по мнению мистера Кемпси, ничего не поделаешь.

Миссис де Ру издала звук, который означал «понятно».

Мы минуту помолчали.

– Как твой дневник – продвигается?

Дневник – это новая идея, поданная папой. Папа позвонил миссис де Ру и сказал, что, учитывая мою «тенденцию к ежегодным рецидивам», не мешало бы задавать мне побольше «домашних заданий». И миссис де Ру предложила мне вести дневник. Одну-две строчки в день. Записывать, где, когда и на каком слове я запнулся и как себя при этом чувствовал. Первая неделя выглядела так:

Дата	Место	Слово	Как я себя чувствовал
12 фев. 1982	В столовой	нормально	плохо
13 фев. 1982	школ. спортзал	Саймон ле Бон	лучше
14 фев. 1982	школ. автобус	плавание	плохо и лучше
15 фев. 1982	говорию по телефону	флот-тингл	ужасно
16 фев. 1982	в лавке у мистера Дидда	эко-вост	ужасно и плохо
17 фев. 1982	на улице французского	Сит. де Pont d'Avignon	плохо

– Значит, скорее таблица, чем дневник в обычном понимании этого слова, – сказала миссис де Ру. (На самом деле я все это написал вчера ночью. Не то чтобы это неправда или что-то такое, это все правда, просто придуманная. Если бы я записывал каждый раз, как мне удалось обмануть Вешателя, дневник скоро стал бы толще телефонного справочника.) – Очень информативно. И разлиновано чрезвычайно аккуратно.

Я спросил, следует ли продолжать вести дневник и на следующей неделе тоже. Миссис де Ру сказала, что, если я перестану, мой отец будет разочарован, так что, по ее мнению, лучше продолжать.

Вслед за этим миссис де Ру достала метрогном. Метрогном – это такой перевернутый маятник, но без часов. Он отстукивает ритм. Он маленький (может быть, потому и называется «гном»). Их обычно используют, когда учатся музыке, но логопеды ими тоже пользуются. Нужно читать в такт ударам, вот так: «Вот за-жгу я па-ру свеч, ты в по-стель-ку мо-жешь лечь, вот возь-му я ост-рый меч, и го-лов-ка тво-я с плеч». Сегодня мы читали слова на «Н», прямо из словаря, одно за другим. Под метрогном очень легко произносить слова – так же легко, как петь, но не могу же я таскать его с собой. Кто-нибудь – тот же Росс Уилкоккс – скажет: «Тейлор, а это еще что за хрень?» – за одну наносекунду отломит маятник и добавит: «Хлипкая штукovina».

После метрогнома я читал вслух из книги, которую миссис де Ру держит специально для меня, «З – значит Захария». Это книга про девочку по имени Энн – она живет в долине с необычной погодной системой, благодаря которой спаслась, когда случилась атомная война и вся остальная страна оказалась отравленной. Энн, может быть, вообще последний живой человек на Британских островах – она не знает. Книга просто класс, но мрачноватая. Может быть, миссис де Ру выбрала ее специально, чтобы я понял, как мне повезло по сравнению с Энн, хоть я и запинаясь. Я запнулся только на паре слов, но это было даже незаметно, если специально не вслушиваться. Я знал, что хочет сказать миссис де Ру. «Вот видишь, ты можешь читать вслух, не запинаясь». Но есть вещи, которых не понять даже логопеду. Очень часто, даже в период самого сильного обострения, Вешатель по временам позволяет мне говорить все, что угодно, даже слова на опасные буквы. Он это делает: а) чтобы дать мне надежду, что я вылечился, и потом с наслаждением эту надежду уничтожить и б) чтобы позволить мне обмануть других ребят и сделать вид, что я нормальный, и при этом держать меня в страхе, что все откроется.

Но это еще не все. Однажды я сформулировал четыре заповеди Вешателя.

1-я заповедь:
Да убьешься ты логопедов и
будешь вечно метаться от них.

2-я заповедь:
Да будешь ты душить Мейлора,
когда он боится, что начнет
затикаться.

3-я заповедь:
Да заставишь ты Мейлора
врасплох, когда он не боится,
что начнет затикаться.

4-я заповедь:
Как только Мейлор получит
звание «заик» в школе
всю свету, да откажет он
твоей добротой навечно.

Когда наше время закончилось, миссис де Ру спросила меня, стал ли я меньше бояться классного часа. Она хотела, чтобы я сказал «Конечно!», но только если это будет правда. Я сказал:

– Если честно, не очень.

Потом я спросил, похоже ли запинание на прыщи, – может, оно само проходит с возрастом. Или дети с заиканием – как игрушки, неправильно собранные на фабрике: так и остаются на всю жизнь ущербными. (На первом канале Би-би-си есть комедийный сериал «Работаем круглосуточно», его показывают в воскресенье вечером. Там Ронни Баркер играет владельца лавки, который заикается так сильно, так смешно, что все зрители просто писаются от смеха. Стоит мне только вспомнить про этот сериал, и я съеживаюсь, как целлофановая обертка в огне.)

– До, – сказала миссис де Ру. – Это вопрос. А ответ на него – «по-всякому бывает». Логопедия столь же неточна как наука, сколь сложна человеческая речь. Когда мы говорим, мы используем семьдесят две мышцы. Чтобы произнести эту фразу, мой мозг только что задействовал десятки миллионов нейронных соединений. Поэтому неудивительно, что доля людей с расстройствами речи, по данным одного исследования, составляет не менее двенадцати процентов. Не жди чудодейственного исцеления. В подавляющем большинстве случаев успех приносят не попытки придушить проблему. Если ты попытаешься усилием воли уничтожить свое расстройство речи, оно лишь вернется с новой силой. Правда ведь? То, что я сейчас скажу, покажется безумием, но единственный путь – это понять свое расстройство, построить с ним рабочие отношения, уважать его, а не бояться. До, оно будет время от времени вспыхивать с новой силой, но, если ты будешь знать, почему оно вспыхивает, ты научишься гасить то, что питает эти вспышки. Давно, еще в Дурбане, я дружила с человеком, который когда-то был алкоголиком. Однажды я спросила его, как он вылечился. Он ответил, что вовсе не вылечивался. «Как это?! – удивилась я. – Ведь ты не пьешь ни капли уже три года!» И мой друг сказал, что как был, так и остался алкоголиком – просто перестал пить. Вот в этом и состоит моя цель. Я помогаю людям превратиться из заик, которые заикаются, в заик, которые не заикаются.

Миссис де Ру не глупа, и все, что она говорит, очень правильно.

Только это ни шиша не поможет мне завтра на классном часе.

На ужин был пирог с мясом и почками. Против мяса я ничего не имею, но от почек меня тянет блевать. Я стараюсь глотать куски почек целиком. Раньше я тайком складывал их в карман, но это рискованно – Джулия заметила и выдала меня. Папа рассказывал маме про нового торгового агента-стажера по имени Дэнни Лоулор, работающего в новом супермаркете «Гринландия» в Рединге.

– Он только что закончил какие-то курсы менеджмента. Ирландец до мозга костей, не хуже Урагана Хиггинса, но, боже мой, он не просто поцеловал «камень красноречия» в Бларни, а, должно быть, кусок от него откусил. Вот у кого язык подвешен! Я приехал в Рединг, чтобы навести порядок и дисциплину в войсках, и в это же время туда заглянул Крейг Солт, и через пять минут он уже ел из рук у Дэнни. Помяни мое слово, этот парень будет топ-менеджером. Когда Крейг Солт на следующий год сделает меня главным директором по продажам в Британии, я заберу с собой на повышение Дэнни Лоулора, и мне плевать, кого я при этом обойду.

– Ирландцам всегда приходилось изворачиваться и жить собственной сметкой, – сказала мама.

Папа не вспомнил, что я сегодня ходил к логопеду, пока мама не упомянула, что выписала «немаленький» чек Лоренцо Хассингтри в Мальверн-Линке. Папа спросил, что сказала миссис де Ру про его идею дневника. Я ответил, что она сочла дневник «весьма информативным», и это привело папу в замечательное настроение.

– Информативный? Да он просто незаменим! Принципы эффективного менеджмента применимы в любой области. Как я только сегодня сказал Дэнни Лоулору, любой управленец хорош ровно настолько, насколько хороши данные в его распоряжении. Без данных ты все равно что «Титаник», без радара пересекающий Атлантический океан, битком набитый айс-бергами. Результат? Столкновение, катастрофа, капут.

– А разве радар не изобрели только во Вторую мировую войну? – Джулия вонзила вилку в кусок мяса. – А «Титаник», кажется, затонул еще до Первой.

– Принцип, о дочь моя, универсален. Кто не ведет записи, тот не может измерять движение вперед. Это верно для розничной торговли, для преподавателей, для военных и вообще при управлении любой системой. В один прекрасный день в ходе своей блестящей карьеры в Олд-Бейли ты убедишься в этом на горьком опыте и воскликнешь: «О, если б я только слушала своего старого мудрого отца! Как он был прав!»

Джулия фыркнула, как лошадь, – ей это сходит с рук, потому что она Джулия. Я вот не могу так прямо сказать папе все, что думаю. Я чувствую, как невысказанное гниет у меня внутри, словно плесневелая картошка в мешке. Кто запинаясь, тому никогда не выиграть спор, потому что стоит только раз запнуться, и в-в-сё, 3-3-3-3-заика, т-т-т-ты п-п-п-проиграл! Если я начинаю запинаясь при папе, у него делается лицо как в тот раз, когда он принес из магазина верстак «Блэк энд Деккер» и обнаружил, что в коробке не хватает пакетика с самыми важными винтами. Висельник просто обожает такое лицо.

Мы с Джулией вымыли посуду, а папа с мамой сели к телевизору смотреть гламурную новую телевикторину «Пробел-пробел» с ведущим Терри Воганом. Участники должны были отгадать пропущенное слово в предложении, и, если они отгадывали то же слово, что и жюри, состоящее из всяких знаменитостей, им давали дурацкие призы, типа вешалки для кружек с развешанными на ней кружками.

Я пошел к себе наверх и начал делать домашнее задание по истории – миссис Коском задала нам про феодальную систему. Но тут меня затянуло стихотворение про мальчика, который катается на коньках по замерзшему озеру и очень хочет знать, каково быть мертвым, – и он убеждает себя, что с ним разговаривает другой мальчик, когда-то утонувший в этом озере. Я отпечатал стихотворение на своей портативной пишущей машинке «Силвер-рид-илан-20». Мне очень нравится, что на ней нет цифры 1, так что приходится использовать букву «I».

Если у нас в доме случится пожар, я первым делом кинусь спасать свою пишущую машинку. Раньше это были бы дедушкины часы, но я их разбил – в чудовищном кошмаре в запертом доме в страшном сне.

Вдруг я обнаружил, что мой радиоприемник-будильник показывает 21:15. У меня осталось меньше 12 часов. По окну барабанил дождь. Ритмы метронома слышны в дожде, и в стихах, и в человеческом дыхании, а не только в тиканье часов.

Наверху послышались шаги Джулии, пересекли ее комнату и стали спускаться по лестнице. Джулия открыла дверь гостиной и спросила у родителей разрешения позвонить Кейт Элфрик – что-то насчет домашнего задания по экономике. Наш телефон расположен в коридоре первого этажа, чтобы им было неудобно пользоваться, поэтому, если прокрасться на площадку и занять стратегическую позицию, все прекрасно слышно.

– Да, да, я получила твою валентинку, и она очень милая, но ты же знаешь, зачем я звоню! Ты сдал?

Пауза.

– Ну скажи уже, Эван! Ты сдал?

Пауза. (Кто такой Эван?!)

– Здорово! Отлично! Потрясно! Если бы ты не сдал, я бы, конечно, тебя бросила. Зачем мне бойфренд, который не умеет водить?

(Бойфренд?! Бросила?!) Сдавленный смех, пауза.

– Не может быть! Не верю!

Пауза.

Джулия застонала в нос, как она делает, когда ее одолевает мегазависть.

– Боже, ну почему у меня нету непристойно богатого дядюшки, который бы дарил мне спортивные машины?! Давай ты мне подаришь одну из своих? Ну же, у тебя их и так больше, чем нужно...

Пауза.

– А то! Давай в субботу? А, ты же учишься утром, я забыла...

Учится по утрам в субботу? Похоже, этот Эван ходит в школу «Вустерский собор». Значит, он из мажоров.

– ...тогда в кафе Расселла и Доррелла. В час тридцать. Кейт меня привезет.

Хитрый смешок Джулии.

– Нет, *его* я точно не собираюсь приводить. Тварь по субботам прячется в склизких норах или, крадучись, лазит на деревья.

Открылась дверь гостиной, и коридор заполнили звуки девятичасовых новостей. Джулия тут же переключилась на голос, которым она говорит с Кейт.

– Да-да, Кейт, я поняла, но до меня все равно не доходит, как решать девятую задачу. Я лучше посмотрю перед контрольной, как ты решала. Хорошо... хорошо. Спасибо. До завтра. Спокойной ночи.

– Разобрались? – крикнул папа из кухни.

– Да, вполне, – ответила Джулия, застегивая пенал на молнию.

Джулия просто виртуозно умеет врать и юлить. Она подала документы на юридический, и ей уже предложили несколько мест в разных университетах. (Юрист-юлист... Как я этого раньше не замечал?) При мысли о том, что какой-то мальчишка будет лапать мою сестру, меня натурально тошнит, но вообще Джулия нравится многим шестиклассникам. Наверняка этот Эван – из тех самоуверенных парней, которые пользуются одеколоном «Блю стратос» и носят туфли с острыми загнутыми носами и прическу, как у Ника Хейворда из *Haircut 100*. Я уверен, что Эван разговаривает хорошо закругленными предложениями, которые следуют одно

за другим безупречной цепочкой. Как мой двоюродный брат Хьюго. Хорошо говорить – то же самое, что командовать.

Одному Богу известно, какую работу смогу делать я. Адвокатом мне не быть, это точно. В суде не позапинаешься. В классе – тоже. Если я стану учителем, ученики меня просто распнут. На свете очень мало работ, которые не требуют разговоров. Профессиональным поэтом я стать не могу – как сказала однажды мисс Липпетс, стихи не продаются. Можно пойти в монахи, но сидеть в церкви еще скучнее, чем созерцать по телевизору таблицу для настройки. Когда мы были поменьше, мама таскала нас в воскресную школу при церкви Святого Гавриила, и каждое воскресное утро превращалось в пытку скукой. Даже маме наскучило через несколько месяцев. Может, смотрителем маяка? Но все эти шторма, закаты и сэндвичи с сырной пастой... в конце концов начнешь страдать от одиночества. Впрочем, мне все равно надо привыкать к одиночеству. Какая девчонка станет гулять с парнем, который запинаяется? Или хотя бы танцевать с ним? Пока я выдавлю из себя «ппппппозвольте вас пппппригласить», кончится последняя песня на дискотеке. А если я начну запинаяться на собственной свадьбе и не смогу даже сказать «да»?

– Ты сейчас подслушивал?

Джулия прислонилась к дверному косяку.

– Что?

– Ты прекрасно знаешь что. Ты подслушивал сейчас, когда я говорила по телефону?

– Когда это? – ответил я слишком быстро и слишком невинным голосом.

– Вообще-то, – сестра пронзила меня таким взглядом, что у меня задымилось лицо, – все, чего я от тебя прошу, – это чтобы ты не лез в мои дела. По-моему, это не слишком много. Если бы у тебя были друзья и ты разговаривал с ними по телефону, я бы не стала подслушивать. Те, кто подслушивает чужие разговоры, – это не люди, а черви.

– Я не подслушивал! – вышло очень пискляво.

– А почему тогда три минуты назад твоя дверь была закрыта, а сейчас – открыта?

– Я н... – (Вешатель перехватил «не знаю», так что мне пришлось, как полному калеке, оборвать предложение и начать новое.) – А тебе-то что? У меня в комнате было душно. Я ходил в туалет. Дверь открылась из-за сквозняка.

На этот раз Вешатель разрешил мне сказать «сквозняк».

– Из-за сквозняка? Да, у нас на площадке просто ураган дует. Я едва на ногах стою.

– Я тебя не подслушивал!

Джулия промолчала ровно столько, чтобы дать мне понять: она знает, что я вру.

– А кто разрешил тебе брать «Abbey Road»?

Ее пластинка лежала рядом с моим паршивеньким проигрывателем.

– Ты же ее все равно не крутишь.

– Врешь, а даже если бы и не врал, это не значило бы, что она теперь твоя. Ты вот не носишь дедушкины часы. Это же не значит, что они теперь мои?

Она вошла ко мне в комнату, чтобы забрать «Abbey Road», по дороге перешагнула мою сумку «Аидас» и кинула взгляд на пишущую машинку. Корчась от стыда, я попытался закрыть стихи своим телом.

– Так ты согласен, что каждый имеет право на капельку собственной тайны? – Намек был прозрачным, как треск ореховой скорлупы в щипцах. – Если я увижу на этой пластинке хоть одну царапину, считай себя покойником.

Но через потолочное перекрытие слышалась не «Abbey Road», а «The Man with the Child in His Eyes»² Кейт Буш. Джулия ставит эту песню, только если ее обуревают эмоции или

² «Сквозь глаза мужчины смотрит ребенок» (англ.).

когда у нее месячные. У Джулии, должно быть, не жизнь, а малина. Ей восемнадцать лет, через несколько месяцев она уедет из Лужка Черного Лебедя, у нее есть бойфренд со спортивным автомобилем, она получает вдвое больше карманных денег, чем я, и может заставить других людей делать что угодно просто словами.

Одними словами.

Джулия наверху поставила *Fleetwood Mac* – «Songbird»³.

По средам папа встает еще затемно, потому что ему надо ехать в Оксфорд на еженедельное совещание в штаб-квартире «Гринландии». Гараж находится под моей спальней, так что я слышу, как взрывает, оживая, папин «Ровер-3500». Если идет дождь, то шины шшшшипят на покрытой лужами дорожке, а капли дождя шмяк-блямс-разбиваются на подъемной двери гаража. На моем будильнике светились техническим зеленым светом цифры: 06:35. Мне осталось ровно 150 минут жизни. И всё. Ряды лиц в классе уже выстроились у меня перед глазами, словно фигурки инопланетян в игре «Космические захватчики». Одни будут ржать, другие недоумевать, третьи ужасаться, четвертые – жалеть меня. Кто решает, какое уродство забавно, а какое – трагично? Никто ведь не смеется над слепыми или над людьми, которые дышат с помощью искусственных легких.

Если бы Бог сделал так, чтобы каждая минута продолжалась полгода, я бы достиг средних лет к завтраку и умер от старости к тому времени, как пора будет садиться в школьный автобус. Я готов был проспать целую вечность. Я попытался отогнать мысли о будущем: лег обратно в кровать и представил себе, что потолок – это неразведанная поверхность планеты G-класса, обращаемой вокруг альфы Центавра. На всей планете не было ни живой души. Мне бы не пришлось произносить ни слова.

– Джейсон! Пора вставать! – прокричала мама на лестничной площадке.

Мне снилось, что я проснулся в лесу, окутанном синей дымкой, и нашел дедушкину «Омегу», целенькую, в зарослях огненных крокусов. Тут во сне послышался топот бегущих ног, и появилась мысль, что это кто-то из «призраков» спешит к месту сбора, на кладбище при церкви Святого Гавриила. Мама снова закричала: «Джейсон!» – и я увидел, что уже 07:41.

Я сонно ответил «О'кей» и приказал ногам спуститься с кровати – остальное тело поневоле последует за ними. Вопреки моим надеждам, зеркало в ванной не отразило свежих признаков проказы. Я подумал, что, может быть, стоит прижать ко лбу горячую тряпку, а потом пожаловаться, что у меня температура. Но маму не так легко обмануть. Мои счастливые красные трусы оказались в стирке, и я надел бананово-желтые – физкультуры сегодня нет, так что это все равно. Внизу мама смотрела по первому каналу Би-би-си новую утреннюю передачу, а Джулия резала банан себе в мюсли.

– Добрутро, – пробормотал я. – Что это за журнал?

Джулия показала мне обложку «Фейс»:

– Если ты хоть пальцем до него дотронешься, пока меня не будет, я тебя придушу.

«Это я должен был родиться, а не ты, поганая корова», – прошипел Нерожденный Ближе.

– Ты что-то хочешь сказать? У тебя такое лицо, как будто ты сейчас обмочишься. – Джулия явно не забыла вчерашний вечер.

Я мог бы дать отпор, спросив Джулию, придушит ли она и Эвана тоже, если он тронет ее журнал, но это значило бы объявить себя подслушивающим червяком. Мои «витабиксы» были на вкус как опилки. Прожевав завтрак, я почистил зубы, положил сегодняшние учебники в сумку «Адидас», а ручки «Бик» – в пенал. Джулия к этому времени уже ушла. Она ездит в то

³ «Певчая птица» (англ.).

отделение школы, где располагаются шестые классы, – за ней заезжает Кейт Элфрик, которая уже сдала на права.

Мама висела на телефоне – рассказывала тете Алисе про нашу новую ванную комнату.

– Алиса, погоди минуту. – Мама прикрыла трубку ладонью. – У тебя есть деньги на обед?

Я кивнул. Я решил сказать ей про классный час:

– Мама, я х...

Вешатель перехватил слово «хотел».

– Скорее, Джейсон! Опоздаешь на автобус!

На улице было мокро и ветрено, словно на Лужок Черного Лебедя направили дождевальную установку. От Кингфишер-Медоуз остались только заляпанные дождем стены, исходящие каплями птичьи кормушки, мокрые садовые гномы, переполненные прудики и блестящие от воды альпийские горки. Лунно-серая кошка наблюдала за мной с сухого крыльца мистера Касла. О, если б я мог превратиться в кошку! Я миновал перелаз у выхода на верховую тропу. Будь я Грант Бёрч, Росс Уилкоккс или кто угодно из ребят, живущих в социальных домах на Веллингтон-Энд, я бы сейчас перемахнул через изгородь и пошел по верховой тропе, куда приведет. Даже посмотрел бы, не идет ли она к заброшенному туннелю под Мальвернскими холмами. Но для таких, как я, это невозможно. Мистер Кемпси тут же заметит, что меня нету в день классного часа, которого я так боялся. На первой перемене он позвонит маме. Мистера Никсона тоже поставят в известность. Папу вытащат с еженедельного совещания. По моим следам пустят школьных надзирателей с собаками. Меня захватят в плен, допросят, сдерут с меня кожу заживо, и потом мистер Кемпси все равно заставит меня прочитать отрывок из «Простых молитв для сложного мира».

Если начинаешь задумываться о последствиях – все, пиши пропало.

У «Черного лебедя» стояли девчонки под зонтами. Мальчикам так нельзя, потому что зонты – это для педиков. (Кроме Гранта Бёрча, который не мокнет, потому что приказал своему слуге Филипу Фелпсу притащить огромный зонт, с каким играют в гольф.) Я шел в куртке, поэтому верхняя половина тела у меня была почти сухая, но на углу главной улицы меня обогнал «воксхолл-шеветт», расплескал огромную лужу и промочил мне все ноги. Носки стали шершавые и мокрые. Пит Редмарли, Гилберт Свинъярд, Ник Юэн, Росс Уилкоккс и вся их шайка устроили битву в луже, но, как раз когда я подошел, к остановке подъехал школьный автобус с глазами, как у Нодди. Норман Бейтс смотрел на нас с водительского места, как вечно бодрствующий мясник на загон, полный откормленных свиней. Мы залезли в автобус, и двери зашипели, закрываясь. На моих «Касио» было 8:35.

В дождливые утра школьный автобус разит парнями, отрыжкой и пепельницей. Передние сиденья занимают девочки, они садятся на Гарлфорд и Блэкмор-Энд и говорят только об уроках. Четкие пацаны сразу проходят назад, но даже ребята вроде Пита Редмарли и Гилберта Свинъярда сидят смирно, когда автобус ведет Норман Бейтс. Норман Бейтс – из людей, похожих на треснутые каменные статуи, с таким лучше не связываться. Как-то раз Плуту Ноук открыл аварийную дверь – просто так, от нечего делать. Норман Бейтс прошел назад, схватил Плуту Ноук за шиворот, протасил по всей длине автобуса вперед и реально вышвырнул наружу. Плуту Ноук заорал из канавы:

– Я на тебя в суд подам! Ты мне руку сломал, блин!

Норман Бейтс в ответ вытащил сигарету из угла рта, наклонился со ступенек автобуса, высунул язык, как индеец-маори, и медленно, сосредоточенно потушил о собственный язык еще горящий окурочек. Раздалось шипение. Норман Бейтс щелчком отшвырнул окурочек на парня, сидящего в канаве.

Потом сел за руль и поехал дальше.

С тех пор никто не трогает аварийную дверь в его автобусе.

Дин Дуран влез в автобус на Драггерс-Энд, на самом краю деревни.

– Эй, Дин, – сказал я, – садись со мной, если хочешь.

Он страшно обрадовался, что я назвал его по имени при всех. Осклабился и мгновенно плюхнулся рядом.

– Господи! Льет, прямо уссывается. Если и дальше так пойдет, то к послешколы Северн выйдет из берегов во всем Аптоне. И в Вустере. И в Тьюксбери.

– Определенно.

Я из кожи вон лез, стараясь быть дружелюбным, – не столько ради него, сколько ради себя. Вечером, в автобусе из школы домой, я могу считать себя везунчиком, если хоть Человек-невидимка захочет сесть рядом с Д-д-джейсоном Т-т-т-тейлором, ш-ш-школьным 3-3-3-заикой. Мы с Дураном стали играть в «Четыре в ряд» на запотевшем окне. Дуран выиграл у меня одну игру, не успели мы и до Велланд-Кросс доехать. Дуран учится в классе мисс Уайч, 2У. 2У – второй с конца класс. Но Дуран на самом деле не глупый. Просто если бы он вдруг начал учиться слишком хорошо, ему бы ото всех досталось.

В болотистом поле стояла черная лошадь, очень несчастная. Но я буду гораздо несчастней через двадцать одну минуту, даже уже немного меньше.

Под нашим сиденьем был радиатор отопления, так что мои школьные брюки расплавились и прилипли к ногам. Кто-то вонюче пернул. «Подгузник запустил газовую бомбу!» – заорал Гилберт Свинъярд. Подгузник ухмыльнулся, показав бурые зубы, высморкался в пакет из-под чипсов и швырнул его. Пакеты из-под чипсов далеко не летают, так что он попал в Робина Саута, сидящего прямо позади.

Не успел я оглянуться, как автобус заехал на школьный двор, и мы все высыпали наружу. В дождь мы ждем начала уроков не во дворе, а в актовом зале. Школа сегодня утром, казалось, состояла из мокрых замызганных полов, исходящих паром сырых курток, учителей, ругающих учеников за крик, первоклассников, играющих в запрещенные салочки в коридорах, и третьеклассниц, которые прочесывали коридоры, сцепив руки и распевая песню *Pretenders*. У начала туннеля в учительскую, где учеников ставят на время обеда в наказание, висят часы. По этим часам мне оставалось жить пять минут.

– А, Тейлор! Превосходно. – Мистер Кемпси ущипнул меня за мочку уха. – Тебя-то я и искал. Следуй за мной. Я желаю поместить ряд слов в твои органы слуха.

Наш классный руководитель повел меня по мрачному коридору, ведущему к учительской. Учительская – это как Бог: кто ее видел, тот не жилец. Распахнутая дверь в учительскую брезжила впереди, и сигаретный дым вылетал оттуда клубами, как туман в Лондоне времен Джека-потрошителя. Но мы свернули, не дойдя до нее, и оказались в кладовке, где хранятся канцелярские товары. Кладовка служит чем-то вроде КПЗ для ребят, которые влипли. Я попытался сообразить, что я такое сделал.

– Пять минут назад ко мне был перенаправлен телефонный звонок. Содержание разговора касалось Джейсона Тейлора. Звонила некая персона, которую заботило твое благосостояние.

Мистера Кемпси не поторопишь, остается только ждать.

– Эта персона призвала меня к свершению акта милосердия в последнюю минуту перед казнью.

Мимо открытой двери кладовки промчался мистер Никсон, директор школы, источая волны гнева и пара от мокрого твида.

– Простите, сэр?

Мистер Кемпси поморщился, раздраженный моей тупостью:

– Правильно ли я понимаю, что ты ждешь сегодняшнего утреннего классного часа с трепетом, который можно описать как «ужас, парализующий мозговые функции»?

Я почувал белую магию миссис де Ру, но не смел надеяться на спасение.

– Да, сэр.

– Да, Тейлор. По-видимому, твой самоотверженный логопед придерживается того мнения, что, отложив испытание огнем, назначенное на сегодняшнее утро, мы поспособствуем росту уровня твоей уверенности в себе в приложение к искусству риторики и публичных выступлений в более долгосрочной перспективе. Ты разделяешь это убеждение?

Я понял, что он сказал, но он ждал, что я не пойму.

– Простите, сэр?

– Ты хочешь или не хочешь, чтобы тебя освободили от чтения сегодня утром?

– Да, сэр, очень хочу, да.

Мистер Кемпси плотно сжал губы. Люди всегда думают, что излечить человека от записания можно по принципу «брось его в глубокую воду – поневоле выплывет». По принципу крещения огнем. Люди видят по телевизору заик, которых в один прекрасный день заставляют выйти на сцену перед тысячей зрителей, и глядь! – из уст бывшего заики вылетает идеальная речь. Все радостно улыбаются: «Видите, он все прекрасно может! Надо было его только подружески подтолкнуть! Теперь он совершенно излечился!» Но это полная чушь. Если такое случается, это просто Вещатель выполняет первую заповедь. Вернитесь к «излеченному» заике через неделю и посмотрите, что с ним будет. Сами увидите. На самом деле, если бросить человека на глубину, он просто утонет. А крещение огнем вызывает ожоги третьей степени.

– Тейлор, ты не можешь всю жизнь бегать, поджав хвост, от публичных выступлений.

«Поспорим?» – парировал Глист.

– Я знаю, сэр. Потому и делаю все возможное, чтобы этому научиться. С помощью миссис де Ру.

Мистер Кемпси делал вид, что еще не сдался, но я уже чувствовал, что спасен.

– Очень хорошо, Тейлор. Но я думал, у тебя больше мужества. Я вынужден заключить, что ошибался в тебе.

Я проводил его взглядом.

Будь я папой римским, я бы произвел миссис де Ру в святые. Прямо тут же, на месте.

Сегодняшнее чтение из «Простых молитв для сложного мира» мистера Кемпси было про то, как дождь лил сорок дней и сорок ночей, но Господь обещал человеку, что в конце концов на небе появится радуга. (Джулия говорит, это совершенно абсурдно, что в 1982 году детям до сих пор преподносят байки из Библии как исторические факты.) Потом мы спели гимн «Все, как есть, дары благие / Посылают небеса, / Скажем Господу спасибо / За любовь и чудеса». Я решил, что пронесло, но, после того как мистер Кемпси зачитал все распоряжения и послания директора, Гэри Дрейк вдруг поднял руку:

– Простите, сэр, мне казалось, что сегодня очередь Джейсона Тейлора читать вслух. Я очень ждал этого и надеялся его послушать. Он что, будет вместо сегодняшнего дня читать на следующей неделе?

Класс чуть не свернул себе шеи – все пооборачивались на меня.

Я вспотел в пятидесяти местах сразу. И только сверлил взглядом меловую туманность на доске.

Через несколько секунд, которые показались мне за несколько часов, мистер Кемпси произнес:

– Дрейк, твое проникновенное выступление в защиту установленного порядка весьма похвально и, без сомнения, продиктовано альтруистическими соображениями. Однако я располагаю информацией о том, что функционирование вокального аппарата Тейлора оставляет

желать лучшего. Таким образом, твой одноклассник освобождается по квазимедицинским показаниям.

– Значит, он будет читать на следующей неделе, да, сэр?

– Алфавит марширует вперед, не считаясь с человеческими слабостями, Дрейк. Следующей по алфавиту у нас идет Мишель Тирли. «Кто с доблестью дружен, тем довод не нужен».

– Мне кажется, это не очень справедливо – как вы думаете, сэр?

За что Гэри Дрейк меня ненавидит? Что я ему сделал?!

– Жизнь очень часто бывает несправедливой, Дрейк, несмотря на все прилагаемые нами усилия, – мистер Кемпси захлопнул крышку пианино, – и мы должны мужественно встречать невзгоды. Чем раньше ты это усвоишь, тем лучше.

При последних словах он пронзил взглядом не Гэри Дрейка, а меня.

Уроки в среду начинаются со сдвоенной математики, которую ведет мистер Инкберроу. Сдвоенная математика – это самый ужасный урок за всю неделю. Обычно я сижу с Алистером Нёртоном, но сегодня Нёртон сел с Дэвидом Окриджем. Единственное свободное место оказалось рядом с Карлом Норрестом, прямо перед учительским столом, так что у меня не было выбора. Дождь лил так сильно, что фермы и поля за окном как будто растворялись в белых пятнах. Мистер Инкберроу винтовым броском раскидал нам на парты тетради для упражнений с прошлой недели и начал урок с нескольких дебильно простых задач, чтобы «размять мозги».

– Тейлор! – Он заметил, что я избегаю его взгляда.

– Да, сэр?

– Тебе не мешает немножко сосредоточиться, а? Если a равно одиннадцати, b – семи, а x – произведение a и b , чему равен x ?

Ответ прост, как два пальца обоссать: семьдесят семь.

Но «семьдесят семь» – это два слова на «с». Два запинательных слова сразу. Вешатель жаждал мести за отмененную казнь. Его пальцы скользнули ко мне в язык и принялись сжимать горло, перекрывая вены, питающие мозг кислородом. Раз уж Вешатель так разъярился, я выглядел бы полным калекой, если бы попытался выдавить из себя запретное слово.

– Девяносто девять, сэр?

Ребята в классе, кто поумнее, застонали.

Гэри Дрейк громко хрюкнул:

– Да он гений!

Мистер Инкберроу снял очки, подышал на них и протер широким концом галстука.

– Семью одиннадцать – девяносто девять, говоришь? А? Позволь, Тейлор, я задам тебе дополнительный вопрос. Зачем я вообще сюда хожу, а? Скажи мне! Зачем, блин, зачем я вообще сюда хожу?!

Родственники

– Они здесь! – заорал я, когда белый «форд-граната-гия» дяди Брайана всплыл на Кинг-фишер-Медоуз.

Джулия захлопнула дверь в свою комнату, словно говоря: «Тоже мне событие!» – но родители внизу зашебуршали и застучали, как всегда, когда в дом вот-вот войдут гости. Я уже снял со стены карту Средиземья, спрятал глобус и все остальное, что кузен Хьюго мог бы счесть забавой для малышей. Так что мне можно было не трогаться с подоконника. Вчера ночью ураган шумел так, словно Кинг-Конг пытался содрать с нашего дома крышу, и ветер до сих пор еще не затих окончательно. Мистер Вулмер, сосед напротив, разбирал у себя на участке куски поваленного забора. Машина дяди Брайана свернула на нашу площадку перед гаражом и встала рядом с маминым «датсуном-черри». Первой из машины вышла тетя Алиса, мамина сестра. Потом с заднего сиденья вылезли трое моих двоюродных братьев Лэм. Сначала Алекс – на нем была майка с надписью «THE SCORPIONS LIVE IN 1981», а на голове повязка, как у Бьорна Борга. Алексу семнадцать лет, у него прыщи, как чумные бубоны, и тело ему на три размера велико. За ним вылез Найджел, он же Сопляк-младший, полностью погруженный в кубик Рубика, который он вертел со страшной скоростью. Последним вышел Хьюго.

Тело Хьюго сидит на нем идеально, как перчатка. Он на два года старше меня. Для большинства ребят имя Хьюго было бы страшным проклятием, но моего кузена оно озаряет ореолом. (Кроме того, Лэмы ходят в независимую школу в Ричмонде, где травят не мажоров, а тех, кто недостаточно мажорен.) Хьюго был одет в черную кофту на молнии, без капюшона и без логотипов, «ливайсы» на пуговицах, эльфийские сапожки и плетеный браслет, какой надевают, чтобы показать, что ты уже не девственник. Хьюго – любимчик фортуны. За игрой в «Монополию», пока мы с Алексом и Найджелом еще лихорадочно вымениваем Юстон-роуд на Олд-Кент-роуд с доплатой в 300 фунтов и надеемся сорвать куш на клетке «Бесплатная парковка», Хьюго уже успевает обзавестись отелями в Мэйфере и на Парк-лейн.

– Наконец-то! – Мама пробежала по дорожке и обняла тетю Алису.

Я приоткрыл окно на щелочку, чтобы лучше слышать.

В это время из теплицы вышел папа при всем параде – в облачении садовода-огородника.

– Брайан, ну и ветерок вы нам привезли!

Дядя Брайан вылез из машины и при виде папы отступил в деланом изумлении:

– Только посмотрите на этого бесстрашного садовода!

Папа взмахнул совком:

– Чертов ветер просто сплющил все мои нарциссы! К нам ходит человек делать основную работу по саду, но он сможет прийти только во вторник, а как говорит древняя китайская пословица...

– Мистер Бродвас – этакий самобытный деревенский персонаж, – вмешалась мама. – Он стоит всех тех денег, что мы ему платим, и еще столько же сверх того – ему приходится исправлять все, что натворит в саду Майкл...

– ...как говорит древняя китайская пословица, «Мудлец сказал: хосесь быть сясливым неделю, возьми зену. Хосесь быть сясливым месяц, забей свиню. Хосесь быть сясливымсю зизнь, посади сяд». Правда, очень остроумно?

Дядя Брайан притворился, что это очень остроумно.

– Эту пословицу Майкл слышал в передаче «Вопросы и ответы для садоводов», и там свинья шла раньше жены, – заметила мама. – Но посмотреть только на твоих мальчиков! Они опять выросли! Алиса, что ты подсыпаешь им в еду? Мне надо бы дать Джейсону того же, да побольше.

Вот это был удар под дых.

– Давайте скорее в дом, пока нас не сдуло, – сказал папа.
Хьюго уловил мой телепатический сигнал и поднял голову.
Я слегка шевельнул рукой в знак приветствия.

Наш домашний бар открывают только к приезду гостей и родственников. Из него пахнет лаком и хересом. (Однажды, когда никого не было дома, я попробовал херес. Вкус был как у сиропа на основе «Доместоса».) Мама велела мне притащить стул из столовой в гостиную, потому что там не хватило посадочных мест. Стул весил не меньше тонны и всю дорогу колодил меня по щиколотке, но я сделал вид, что мне нипочем. Найджел плюхнулся на кресло-мешок, а Алексу досталось одно из обычных кресел. Он тут же принялся выбивать ритм на подлокотнике. Хьюго сел по-турецки на ковер, а когда мама принялась выговаривать мне за то, что я принес мало стульев, сказал: «Ничего-ничего, тетя Хелена, мне удобно». Джулия так и не вышла. Только прокричала сверху, уже двадцать часов назад: «Сейчас иду!»

Как обычно, вечер открыли папа с дядей Брайаном, заспорив, как лучше ехать из Ричмонда в Вустершир. (На каждом было джерси для гольфа, которое другой подарил ему на Рождество.) Папа заявил, что, если ехать по А40, можно сэкономить двадцать минут по сравнению с А419. Дядя Брайан не согласился. Потом дядя Брайан сказал, что, погостив у нас, он собирается поехать в Бат через Сайренсестер и А417, и лицо папы исказилось ужасом.

– А – четыреста семнадцать? Ты собираешься пересекать Котсуолды в праздничный день? Брайан, это будет настоящий ад!

– Майкл, я уверена: Брайан знает, что делает, – сказала мама.

– А – четыреста семнадцать? Да это преддверие ада! – Папа уже листал свой «Атлас Королевского автомобильного общества», и дядя Брайан взглянул на маму, как бы говоря: «Если ему это доставляет удовольствие, пусть себе». (Я очень обиделся за папу.) – Видишь ли, Брайан, у нас в стране есть такие недавно изобретенные штуки, они называются «автомагистралы»... Вот, тебе нужна Эм-пять, пятнадцатый съезд... – Папа с размаху ткнул в карту указательным пальцем. – Вот! А отсюда просто повернешь на восток. Незачем тебе торчать в бристольских пробках. Эм-четыре, восемнадцатый съезд, потом А – сорок шесть до Бата. И дело в шляпе.

– Последний раз, когда мы навещали Дона и Друзиллу, мы именно так и поехали. – Дядя Брайан подчеркнуто не смотрел на «Атлас Королевского автомобильного общества». – Обогнули Бристоль с севера по Эм-четыре. И угадай, что было дальше. Мы простояли, бампер к бамперу, два часа! Верно, Алиса?

– Да, мы довольно долго стояли.

– Два часа, Алиса.

– Но это было, когда строили новую полосу! – парировал папа. – А сегодня вы просто пролетите по Эм-четыре. Как на крыльях. Гарантирую.

– Спасибо, Майкл, – обиженно растягивая слова, сказал дядя Брайан. – Но я не особенный поклонник автомагистралей.

– Что ж, Брайан, – папа с грохотом захлопнул «Атлас Королевского автомобильного общества», – если тебе нравится торчать в пробках среди гериатрических водил с автоприцепами, А – четыреста семнадцать до Сайренсестера для тебя самое то.

– Джейсон, пойдика помоги мне.

«Помоги мне» означает «принеси вообще все». Мама показывала тете Алисе свою недавно переоборудованную кухню. Из духовки сочились мясные ароматы. Тетя Алиса поглаживала новую плитку и говорила: «Потрясающе!» – а мама в это время наливала три стакана кока-колы – Алексу, Найджелу и мне. Хьюго попросил стакан холодной воды. Я высыпал в вазу пакет твиглетов. (Твиглеты – это такая еда; она, по мнению взрослых, должна нравиться детям; на самом деле твиглеты на вкус как горелые спички, которые обмакнули в «Мармит».)

Потом я составил все на поднос, поднос выставил на окно между кухней и гостиной, обошел кругом, взял поднос и отнес его на кофейный столик. Ужасно нечестно, что мне приходится делать абсолютно все. Если бы я застрял у себя в комнате, как Джулия, за мной уже давно послали бы команду спецназа.

– Вижу, мемсаиб тебя выдрессировала как следует, – заметил дядя Брайан; я притворился, будто знаю, что такое мемсаиб.

– Брайан? – Папа взмахнул графином. – Еще капельку хереса?

– Не откажусь, черт побери! Не откажусь!

Я выдал Алексу кока-колу, и он в ответ хрюкнул. И зачерпнул пригоршню твиглетов.

Найджел бодро прокричал: «Большое спасибо!» – и тоже набрал твиглетов.

Хьюго, получив воду, сказал: «Спасибо, Джейс», а на твиглеты – «Нет, спасибо».

Дядя Брайан и папа обсудили пункт «Обстановка на дорогах» и перешли к пункту «Рецессия».

– Нет, Майкл, ты в кои-то веки ошибаешься, – произнес дядя Брайан. – Бухгалтерия – это такая игра, которая более или менее неподвластна причудам экономики.

– Не хочешь же ты сказать, что твои клиенты не страдают от спада?

– Страдают?! Ёксель-моксель, Майкл, они забегали как муравьи! Банкротства, взыскания по закладным с утра до ночи! Мы уже затраханы работой, простите мой французский. Я тебе говорю, я благодарен этой бабе на Даунинг-стрит за эту финансовую, как ее теперь модно называть, анорексию. Наша бухгалтерская братия деньги просто лопатой гребет! А поскольку бонусы партнеров зависят от прибыли, ваш покорный слуга чувствует себя очень неплохо.

– Банкроты вряд ли станут постоянными клиентами, – подколот его папа.

– Ну и плевать, зато им нет конца! – Дядя Брайан вылил в глотку остаток хереса. – Так что я в этой ситуации боюсь за вас, розничных торговцев. Еще рецессия не кончится, как вы все положите зубы на полку. Помяни мое слово.

Папа задиристо потряс пальцем в воздухе:

– При хорошем управлении компания процветает не только в тучные, но и в тощие годы. Может, в стране и три миллиона безработных, но «Гринландия» только что взяла десять менеджеров-стажеров. Качественные продукты в розницу по оптовым ценам всегда найдут спрос.

– Расслабься, Майкл. – Дядя Брайан шутливо поднял руки, сдаваясь. – Ты не на слете директоров по продажам. Но мне кажется, ты прячешь голову в песок. Даже тори поговаривают о том, что надо затянуть пояса. Профсоюзыдохнут на глазах... хотя по мне, так это хорошо, а не плохо. «Бритиш лейланд» остается без заказов... доки затихают... «Бритиш стил» умирает... Все заказывают корабли в этой сраной Южной Корее, или где там, а не в доках Тайна и Клайда. Товарищ Скаржилл грозит нам революцией... Очень трудно поверить, что все это в конечном итоге никак не повлияет на сбыт замороженных блинчиков и рыбных палочек. Мы с Алисой за вас беспокоимся, знаете ли.

– Что ж, очень мило с вашей стороны, – папа откинулся в кресле, – но розничная торговля пока держится, и «Гринландия» прочно стоит на ногах.

– Рад слышать, Майкл. Честное слово, рад.

(Я тоже был рад это слышать. Папу Гэвина Коули сократили с фабрики «Металбокс» в Тьюксбери. День рождения Гэвина, который должен был пройти в парке аттракционов «Олтон тауэрс», отменили. Гэвин так осунулся, что глаза у него на несколько миллиметров запали в череп. Через год его родители развелись. Келли Дуран мне говорила, что его отец до сих пор сидит на пособии.)

У Хьюго на шее тонкий кожаный ремешок. Я тоже такой хочу.

Когда у нас гостят Лэмы, соль и перец волшебным образом превращаются в «специи». На ужин были: на закуску – коктейль из креветок в винных бокалах, на главное – бараны

котлеты в папилютках с картофелем «дюшес» и тушеным сельдереем, а на «десерт» (не на «сладкое») – «запеченная Аляска». Стол сервировали с салфетками в перламутровых кольцах. (Дедушка – папин папа – привез эти кольца из Бирмы, из той же поездки, в которой он купил «Омегу», разбитую мной в январе.) Перед тем как приступить к закуске, дядя Брайан открыл привезенное им вино. Джулия и Алекс получили по целому стакану, Хьюго и я – по полстакана, а Найджелу налили «только свисток смочить».

Тетя Алиса произнесла свой традиционный тост:

– За династию Тейлоров и Лэмов!

Дядя Брайан поднял свой традиционный тост:

– Выпьем за то, что я смотрю на тебя, малыш!

Папа притворился, что его это очень рассмешило.

Мы все (кроме Алекса) сдвинули бокалы и пригубили вино.

Папа непременно должен посмотреть свой бокал на просвет и воскликнуть: «Как легко пьется!» Вот и сегодня он не подвел. Мама пронзила его взглядом, но папа этого никогда не замечает.

– Умешь ты выбрать выпивон, Брайан, этого у тебя не отнять.

– Я счастлив, что заслужил твое одобрение, Майкл. Я решил себя побаловать и купил целый ящик. Его делают на винограднике рядом с тем очаровательным коттеджем на озерах, где мы отдыхали в прошлом году.

– Вино? В Озерном крае? В Камбрии? Не может быть. Я уверен, окажется, что ты ошибся.

– Да нет же, Майкл, не на английских озерах. На итальянских. В Ломбардии.

Дядя Брайан крутанул бокал, ополаскивая вином стенки, понюхал и вылил в себя.

– Семьдесят третий год. С нотками ежевики, дыни и дуба. Впрочем, Майкл, с твоим суждением истинного знатока я согласен. Неплохое винцо.

– Ну что ж, – сказала мама, – налегайте на еду!

После первого раунда восторженных восклицаний тетя Алиса сказала:

– В школе было много событий в этом семестре, правда, мальчики? Найджел теперь капитан шахматного клуба.

– Президент, вообще-то, – поправил Найджел.

– Ах, пардоньте! Найджел теперь президент шахматного клуба. А Алекс делает что-то невероятное со школьным компьютером, правда, Алекс? Я вот даже видеомэгнитофон на запись не умею включить, а он...

– Правду сказать, Алекс давно обскакал своих учителей, – сказал дядя Брайан. – Что ты там делаешь на компьютере, а, Алекс?

– Фортран. Бейсик. – Алекс говорил так, будто словам было больно выходить наружу. – Паскаль. Ассемблер зет-восемьдесят.

– Ты, наверно, ужасно умный! – воскликнула Джулия с таким жаром, что я даже не понял, был ли это сарказм.

– О, Алекс у нас умный, еще бы, – сказал Хьюго. – Мозг Александра Лэма – это передовой край современной британской науки.

Алекс пронзил брата злобным взглядом.

– За компьютерами будущее. – Папа набрал полную ложку креветок. – Технология, дизайн, электрические автомобили. Вот чему должны учить в школах. А не мусору всякому, разному там «я одиноким облаком блуждал». Как я только вчера сказал Крейгу Солту, это наш директор по маркетингу...

– Майкл, я с тобой абсолютно согласен. – Дядя Брайан сделал лицо, как у злого властелина, раскрывающего свой план захвата мирового господства. – Поэтому Алекс у меня получает новенькую двадцатифунтовую бумажку за каждую пятерку в году и десять фунтов – за каждую четверку. Чтобы купить свой собственный «Ай-би-эм».

(Зависть, как зубная боль, запульсировала у меня в голове. Папа считает, что платить детям за учебу – «прошлый век».)

– Еще никто не придумал стимула лучше материального поощрения, – продолжал дядя.

В разговор вступила мама:

– Хьюго, а ты чем занимаешься?

Наконец-то я мог разглядывать Хьюго открыто, а не исподтишка.

– Я, тетя Хелена, несколько раз довольно удачно выступил в гребной команде. – Хьюго отпил воды из стакана.

– Хьюго просто покрыл себя славой! – Дядя Брайан рыгнул. – По справедливости его должны были сделать главной шишкой в команде, но один толстожопый – ах, простите мой французский, – надутый денежный мешок, владелец половины страховой компании Ллойда, пригрозил поднять ужасную вонь, если главным не выберут его отпрыска, маленького лорда Фаунтлероя... как его там, Хьюго?

– Ты имеешь в виду Доминика Фицсиммонса?

– «Доминик Фицсиммонс»! Вот это имечко – нарочно не придумаешь, а?

Я мысленно молился, чтобы всеобщее внимание перекинулось на Джулию. Взывал к небесам, чтобы мама не упомянула о моей победе в поэтическом конкурсе. Только не при Хьюго!

– Джейсон занял первое место на поэтическом конкурсе библиотек Хирфорда и Вустера. Правда, Джейсон? – сказала мама.

У меня уши чуть не закипели от стыда, и я не знал, куда смотреть, так что уставился в собственную тарелку.

– Мне пришлось участвовать. Нас заставили писать на уроке английского. Я даже не... – я мысленно опробовал слово «представлял» и понял, что чудовищно запнусь на нем, – не знал, что мисс Липпетс собирается отправить наши стихи на конкурс.

– Не прячь свой светильник под спудом! – воскликнула тетя Алиса.

– Джейсону вручили замечательный словарь, – сказала мама. – Правда, Джейсон?

– Я был бы счастлив послушать твое стихотворение. – Алекс, урод этакий, искусно замаскировал сарказм, так что взрослые ничего не заметили.

– Не выйдет. У меня нет этой тетради.

– Какая жалость!

– В «Мальверн-газеттир» напечатали стихи победителей, – сказала мама. – И даже фотографию Джейсона! Я могу найти вырезку после ужина.

(Само воспоминание было пыткой. Газета послала фотографа в школу, и меня заставили позировать в библиотеке, с книгой в руках – прямо король педиков.)

Дядя Брайан смачно облизал губы:

– Я слышал, что поэты цепляют гадкие болезни от парижских дам легкого поведения и умирают в нетопленных бастардах на набережной Сены. Отличная карьера, а, Майк?

– Хелена, креветки очень вкусные, – сказала тетя Алиса.

– Замороженные, из вустерской «Гринландии», – пояснил папа.

– Свежие, Майкл. Из рыбной лавки.

– Да? Я и не знал, что на свете еще остались рыбные лавки.

Алексу никак не давала покоя моя поэтическая премия.

– Джейсон, ну хоть расскажи, про что твои стихи. Про первые весенние цветочки? Или про любовь?

– Алекс, я боюсь, они тебе не понравятся, – сказала Джулия. – Произведениям Джейсона, безусловно, недостает тонкости и глубины, характерной для песен «Скорпионс».

Хьюго фыркнул – специально, чтобы позлить Алекса. И еще чтобы дать мне понять, за кого он. Меня так переполняла благодарность, что я готов был расцеловать Джулию. Ну, почти готов.

- Да-да, очень смешно, – буркнул Алекс, обращаясь к Хьюго.
- Алекс, не дуйся. Портишь красоту.
- Мальчики! – предостерегающе произнесла тетя Алиса.

Вокруг стола начали передавать мажорскую соусницу. Я построил берега из картофельного пюре и йоркширских мини-пудингов и налил между ними маленькое Средиземное море из соуса. Роль Гибралтара играл кончик морковки.

– Налетайте! – сказала мама.

Первой заговорила тетя Алиса:

- Отбивные просто божественные, Хелена.
- Шарман! – воскликнул дядя Брайан с карикатурным французским акцентом.

Найджел ухмыльнулся, обожаясь глядя на отца.

– Весь секрет в маринаде, – ответила мама тете Алисе. – Я тебе потом дам рецепт.

– Спасибо, Хелена, я без него просто не уеду!

– Майкл, еще капельку вина? – Папа не успел ответить, как дядя Брайан долил его бокал (уже из второй бутылки), а потом свой. – Спасибо, Майкл, не откажусь. Выпьем за то, что я смотрю на тебя, малыш! Так что, Хелена, я гляжу, твоя передвижная пагода еще не отправилась на великую восточную свалку в небесах?

Мама надела на лицо вежливое непонимание.

– Я про твой «датсун», Хелена! Не будь ты такой отличной поварихой, я бы ни за что не простил тебе нарушение первой заповеди автомобилиста: не доверяй япошкам и мусору, который они делают! Я в кои-то веки вынужден согласиться с немчишками. Знаешь эту новую рекламу «фольксвагена»? Крохотная японская машинка ездит кругами, лихорадочно пытается найти новый «фольксваген-гольф», а он вдруг падает на нее с потолка и давит в лепешку! Я просто уписался от смеха, когда первый раз увидел этот ролик, правда, Алиса?

– А ведь вы снимаете «ником», дядя Брайан. – Джулия вытерла рот салфеткой.

– И с японским хай-фаем тоже, кажется, все в порядке, – сказал Хьюго.

– И с микросхемами для компьютеров, – добавил Найджел.

Ну и я решил высказаться:

– И японские мотоциклы тоже классика.

Дядя Брайан картинно пожал плечами, показывая, что он чудовищно изумлен.

– Именно об этом я и говорю, мальчики и девочки! Япошки берут технологию у всех подряд, уменьшают под собственный размер, а потом продают обратно всему остальному миру, верно, Майк? А, Майк? Надеюсь, хоть в этом ты меня поддержишь! Чего можно ожидать от единственной державы Оси зла, которая не извинилась за войну! И это сошло им с рук, заметьте.

– Двести тысяч мирных жителей погибли при атомной бомбардировке, и еще два миллиона сгорели от зажигательных бомб, – сказала Джулия. – Вряд ли это можно назвать «сошло с рук».

– Но самое главное, – дядя Брайан умеет не слышать то, чего не хочет, – что япошки с нами до сих пор воюют! Уолл-стрит уже принадлежит им. Лондон на очереди. Пока идешь от Барбикана до моей конторы, понадобится двадцать пар рук... не меньше... чтобы сосчитать всех двойников Фу Манчу, которые попадутся на пути. Слушай меня, Хелена. Моя секретарша купила себе одну из этих... как их там... ну знаешь, вроде коляски рикши с мотором... «Хонду-сивик», вот. «Хонду-сивик» навозного цвета. Она выехала на новой машине из автосалона, и на первом же повороте – я не шучу – у этой жестянки отвалилась выхлопная труба.

Начисто! Хлоп! Вот поэтому у них такие привлекательные цены. Потому что их продукция – дерьмо. Нельзя иметь в жизни все. Или приходится за это расплачиваться – например, тем, что подцепишь какую-нибудь грибковую инфекцию. Да, Майкл?

– Джулия, передай мне, пожалуйста, специи, – сказал папа.

Мы с Хьюго встретились глазами – и на миг нас словно было только двое живых в комнате, полной восковых фигур.

– Мой «датсун» прошел техосмотр на ура. – Мама предложила тете Алисе еще сельдерея, и та жестом отказалась.

Дядя Брайан фыркнул:

– Только не говори мне, что ты проходила техосмотр там же, где тебе продали эту пагоду на колесах!

– А почему нет, собственно?

– Ах, Хелена, – покачал головой дядя Брайан.

– Я не очень понимаю, о чем ты.

– Ах, Хелена, Хелена, Хелена.

Хьюго попросил «совсем маленький кусочек» запеченной «Аляски», и мама положила ему такой же шмат, как папе.

– Ты здоровый растущий мальчик, тебе нужна энергия!

Я запомнил эту фразу на будущее.

– Налетайте все, пока мороженое не растаяло!

После первой ложки тетя Алиса сказала:

– Просто божественно!

– Майк, ты же не собираешься оставлять эту бутылку пропадать недопитой, а? – Дядя Брайан от души плеснул в бокал папе, потом себе, потом поднял бокал, салютуя моей сестре. – Выпьем за то, что я смотрю на тебя, малыш! Но я все же не пойму, почему столь явно одаренная юная дама не целится в один из университетов Большой Двойки. В Ричмондской подготовительной школе с утра до ночи только и слышно: Оксфорд да Кембридж. Верно, Алекс?

Алекс на четверть секунды приподнял голову на десять градусов и буркнул «да».

– С утра до ночи, – серьезно подтвердил Хьюго.

– У нашего консультанта по профориентации мистера Уильямса, – Джулия ложкой поймала кусочек полурастаявшего мороженого, который собирался плюхнуться на скатерть, – есть приятель в Лондоне, адвокат из группы радикальных, и он говорит, что если я хочу специализироваться на природоохранном законодательстве, то мне надо идти в Эдинбург или Дарем.

– О, простите меня, – дядя Брайан рубанул ладонью воздух, как каратист, – простите, простите, простите, но вашего мистера Уильямса – он, без сомнения, тайный валлиец! – надо вымазать смолой, обвалить в перьях, посадить на мула и отправить обратно в Хаверфордлуэст. – Дядя Брайан побагровел так, что чуть не дымился. – Дело не в том, чему учат в университете, дело в том, с кем ты там водишь знакомство! Только в Оксбридже можно завести связи с будущей элитой! Если бы я носил галстук другого колледжа, меня бы сделали партнером на десять лет раньше! Я не шучу! Майк! Хелена! Неужели вы намерены сидеть и смотреть, как ваша единоутробная дочь губит свои таланты в заштатном сельском университете?

На лицо Джулии набежала тучка раздражения.

(Я на этой стадии обычно прячусь куда-нибудь подальше.)

– У Эдинбургского и Даремского университетов неплохая репутация, – сказала мама.

– Конечно-конечно, но не забывайте вот о чем. – Дядя Брайан практически перешел на визг. – Главный вопрос: лучшие ли они на рынке? А ответ – хрена с два! Ёксель-моксель, именно поэтому государственные школы никуда не годятся. Они, конечно, вполне подходят для Джека и Джилл Незнамокто, но разве они стимулируют развитие самых способных

и талантливых детей? Хрена с два! Для учительских профсоюзов «способный» и «талантливый» – грязные ругательства.

Тетя Алиса положила руку на предплечье мужа:

– Брайан, я думаю...

– Нечего меня «брайанить», когда на карту поставлено будущее нашей единственной племянницы! Оно меня волнует! Если это значит, что я сноб, то и хер с ним, простите мой французский, пусть я буду снобом, и я буду носить это звание с гордостью! Я просто не в силах понять, почему девушка с мозгами, достойными Оксбриджа, нацелилась на какую-то дыру.

Дядя Брайан залпом осушил стакан.

– Разве что... – ярость на дядином лице за три секунды сменилась сальной ухмылкой, – разве что, Джулия, у тебя где-нибудь припрятан юный шотландский жеребец с большим волосатым спорраном? А, Майк, а? А, Хелена? Вы об этом не думали?

– Брайан...

– Не беспокойтесь, тетя Алиса, – улыбнулась Джулия. – Дядя Брайан знает, что я охотнее попаду под машину, чем стану обсуждать с ним свою личную жизнь. Я собираюсь изучать право в Эдинбурге, и всем Брайанам Лэмам, элите будущего, придется заниматься нетворкингом без меня.

Вот если бы я такое сказал, мне бы это никогда не сошло с рук, никогда в жизни.

Хьюго поднял бокал, салютуя моей сестре:

– Отлично сказано, Джулия!

– Ах, – дядя Брайан издал какой-то проколотый смешок, – вы далеко пойдете в юриспруденции, девушка, хоть вас и тянет во второсортный университет. Вы в совершенстве владеете приемом под названием «нон-секатор».

– Я счастлива, что заслужила ваше одобрение, дядя Брайан.

Возникла пауза – неловкая, словно корова на льду.

– Ура! – фыркнул дядя Брайан. – За ней всегда должно остаться последнее слово.

– У вас на подбородке волоконец сельдерея, дядя Брайан.

Самое холодное место в нашем доме – сортир на первом этаже. Зимой там задница примерзает к сиденью. Джулия попрощалась с Лэмами и ушла к Кейт Элфрик повторять историю. Дядя Брайан удалился в гостевую спальню, чтобы «дать отдых глазам». Алекс уже в третий раз за время визита сидел в туалете. Каждый раз он просиживает не меньше двадцати минут. Уж не знаю, что за занятие он там находит. Папа показывал Найджелу и Хьюго свою новую «минолту». Мама и тетя Алиса пошли прогуляться по ветреному саду. Я изучал свое лицо в зеркале над раковиной, ища хоть тень сходства с Хьюго. Могу ли я превратиться в него одним усилием воли? Одна клеточка за другой. У Росса Уилкокса получается. В начальной школе он был тупым ничтожеством, а теперь курит со старшими ребятами, вроде Гилберта Свинъярда и Пита Редмарли, и все зовут его «Росс», а не «Уилкокс». Значит, какой-то способ есть.

Я сел и отложил порядочную личинку. И вдруг совсем близко послышались голоса. Я знаю, что подслушивать нехорошо, но я же не виноват, если мама и тетя Алиса вздумали поболтать прямо рядом с отверстием вентилятора?

– Хелена, это не ты должна извиняться. Брайан вел себя как... Боже, я готова была его убить!

– Майкл всегда пробуждает в нем худшие качества.

– Ладно, давай просто... Ой, Хелена, какой у тебя розмарин! Почти дерево. У меня зелень вообще не растет. Кроме мяты, мята прет как ненормальная.

Пауза.

– Интересно, что сказал бы папа, – произнесла мама. – Ну, если бы увидел их сейчас.

– Брайана и Майкла?

– Да.

– Ну, первым делом он заявил бы нам с тобой: «Я же говорил!» Потом закатал бы рукава, нашел точку зрения, прямо противоположную обоим, и не сошел бы с ринга, не раскатав обоих в тряпочку.

– Это, пожалуй, резковато.

– Папа еще и не так был резковат! Вот Джулия с ним, пожалуй, потягалась бы.

– Да, она порой... довольно уверенно отстаивает свои мнения.

– Хорошо хоть ее мнения касаются «Кампании за ядерное разоружение» и «Международной амнистии», а не этих, как их, «Витлуфа» и «Сиси-диси».

Пауза.

– Хьюго у тебя стал такой галантный.

– Галантный, говоришь?

– Ну посмотри, как он настаивал на том, чтобы вымыть посуду. Конечно, я не могла ему этого позволить.

– Да, он мастер прикидываться овечкой. А Джейсон до сих пор болезненно молчалив. Как его дела у логопеда?

(Я не хотел этого слушать! Но не мог уйти, не спустив за собой. А если спустить, они поймут, что я их подслушивал. Так что я был в ловушке.)

– Так себе. Он ходит к этой даме из Южной Африки, по имени миссис де Ру. Она говорит, что мы не должны ждать чудодейственного исцеления. Мы и не ждем. Она говорит, что мы должны быть терпеливы с ним. Мы терпеливы. Больше мне сказать нечего.

Долгая пауза.

– Знаешь, Алиса, даже после всех этих лет мне никак не верится, что папы и мамы больше нет на свете. Что они по правде... умерли. А не просто уехали в круиз по Индийскому океану на полгода и не подают вестей. Или... что ты смеешься?

– Представь себе: застрять с папой на круизном лайнере на полгода! За это, пожалуй, все грехи простятся.

Мама не ответила.

Еще более долгая пауза.

Тетя Алиса заговорила каким-то другим голосом:

– Хелена, прости, я не хочу лезть не в свое дело, но ты с января ни разу не упоминала про те призрачные телефонные звонки.

Пауза.

– Прости, Хелена, я совершенно зря сую свой нос...

– Нет-нет... Видит бог, с кем я еще могу об этом поговорить? Нет, их больше не было. Я даже чувствую себя немного виноватой за свои тогдашние выводы. Я уверена, что это была буря в стакане воды. Выдуманная буря. Если бы не тот... ну, знаешь, тот «инцидент» Майкла пять лет назад, или когда там, я бы мгновенно забыла об этих звонках. Люди постоянно ошибаются номером, линии соединяются неправильно, и все такое. Правда же?

(«Инцидент»?)

– Совершенно верно, – ответила тетя Алиса. – Совершенно верно. Ты ничего не сказала?..

– Ты же понимаешь, припереть Майкла к стенке и потребовать ответа – все равно что своими руками выкопать себе могилу.

(У меня вскочили такие огромные мурашки, что коже стало больно.)

– Еще бы, – согласилась тетя Алиса.

– Средний стажер в «Гринландии» лучше представляет себе, что творится в голове у Майкла Тейлора, чем его собственная жена. Имей в виду, теперь я знаю, почему мамочка половину всего времени была такая депрессивная.

(Я не понимал. И не хотел. Хотел. Не знаю.)

– Ты погрязнешь в унынии, старшая сестричка.

– Ты меня спасаешь, Алиса. Ты, как волшебная швабра, впитываешь мое уныние. Вот ты ведешь гламурную жизнь. Все время общаешься с китайскими скрипачами и смуглыми ацтеками, играющими на сампоне. Кто у тебя в театре на этой неделе?

– Гастроли Бэзила Браша. «Бум-бум!»

– Вот видишь.

– Их агент чудовищно капризен. Можно подумать, Либераче приехал, а не заштатный телевизионный актеришка с рукой в лисьей жопе.

– Нет бизнеса, кроме шоу-бизнеса!

Пауза.

– Хелена, я знаю, что уже двадцать тысяч раз это говорила. Но тебе нужны задачи посложнее запеченной «Аляски». Джулия в этом году выпорхнет из гнезда. Почему бы тебе не пойти опять работать?

Короткая пауза.

– Во-первых, сейчас рецессия, и людей увольняют, а не набирают. Во-вторых, я унылая домохозяйка. В-третьих, я живу не в пригороде Лондона, а в мрачных дебрях Вустершира, и возможностей для работы здесь намного меньше. В-четвертых, я не работала с тех пор, как родился Джейсон.

– Ну значит, твой отпуск по уходу за ребенком немного затянулся. На тринадцать лет. Ну и что?

Мама издала одинокий смешок – так обычно смеются люди, которым вовсе не смешно.

– Даже папа хвалился твоими эскизами перед друзьями по гольф-клубу. Я всю жизнь только и слышала: Хелена то, Хелена сё.

– А я всю жизнь слышала: Алиса то, Алиса сё.

– Ну, папа в своем репертуаре, что ты хочешь? Пойдем. Покажешь мне, где ты собралась делать альпийскую горку.

Я спустил воду, задержал дыхание и попрыскал освежителем воздуха. «Утренняя свежесть» – удивительно отвратный запах.

Папин «Ровер-3500» живет в одном из наших двух гаражей, но мама обычно ставит свой «датсун-черри» на улице, и второй гараж пустует. Вдоль одной стены там живут велосипеды. Папины инструменты на аккуратных полках над верстаком. Картошка в бездонном мешке. В свободном гараже тихо даже в ветреный день, как сегодня. Папа ходит сюда курить, так что в гараже часто пахнет табаком. Мне нравятся даже пятна машинного масла на бетонном полу.

Но лучше всего – доска для игры в дартс. Дартс – это классно. Я обожаю звук, с которым острие вбивается в доску. И вытягивать дротики из мишени тоже очень люблю. Я пригласил Хьюго поиграть, и он сказал: «Конечно!» И Найджел вдруг тоже стал проситься с нами. Папа сказал, что это отличная идея, и мы трое пошли в гараж и стали играть в «Раунд». (Нужно целиться в 1, пока не выбьешь 1, потом в 2, потом в 3 и так далее. Выигрывает тот, кто первым дойдет до 20.)

Мы бросили по одному дротику, чтобы определить очередность.

Хьюго выкинул 18, я 10, а Найджел 4.

– Слушай, – спросил меня Найджел, пока его брат попал в единицу первым же броском, – ты читал «Властелина колец»?

– Нет, – соврал Глист, чтобы Хьюго не подумал, будто я пытаюсь подружиться с Найджелом.

Хьюго промахнулся мимо двойки, но попал в нее следующим броском.

– Это просто *эпическая* книга, – сообщил Найджел.

Хьюго принес все три дротика и вручил мне.

– Найджел, никто уже давно не говорит «эпический».

(Я принялся вспоминать, не говорил ли сегодня «эпический» при Лэмах.)

Я промахнулся по единице первыми двумя бросками, но попал третьим.

– Хороший бросок, – заметил Хьюго.

– Мы проходили «Хоббита» в школе, – (дротики перешли к Найджелу), – но «Хоббит», по сути дела, обычная сказка.

– Я пытался читать «Властелина колец», но это мусор какой-то, – сказал Хьюго. – Там всех зовут как-нибудь вроде «Гондогорн» или «Сарулон» и все бегают кругами и кричат: «Ибо к ночи лес наводнят орки!» А этот Сэм! «Ох, сударь Фродо, да какой же у вас распрекрасный большой кинжал!» Чистая гомоэротическая порнуха, детей к такому даже и близко нельзя подпускать. Может, тебя как раз это и привлекает, а, Найджел?

Найджел промахнулся, и дротик отскочил от кирпичной стены. Хьюго вздохнул:

– Найджел, старайся все-таки быть поаккуратнее. Ты портишь Джейсовы дротики.

Мне следовало бы сказать Найджелу: «Ничего страшного». Но Глист промолчал.

Второй дротик Найджела попал во внешний край доски. Прوماх.

– Ты знаешь, Джейс, что гомосексуалисты не могут метко бросать? Научный факт, – между делом заметил Хьюго.

Я встревожился – Найджел явно готов был вот-вот расплакаться.

Хьюго умеет управлять чужим везением.

Третий дротик Найджела ударился о внешний край доски и отскочил. У Найджела внутри что-то лопнуло.

– Ты всегда настраиваешь людей против меня! – Он побагровел от ярости. – Я тебя ненавижу! Ты поганый ублюдок!

– Это нехорошее слово, Найджел. Ты знаешь, что такое ублюдок, или просто повторяешь как попугай за своими шахматными друзьями?

– Да, между прочим!

– Да – знаешь, что такое ублюдок? Или да – повторяешь как попугай за друзьями?

– Да, я знаю, что такое ублюдок, и это ты!

– Если я ублюдок, значит наша мать зачала меня от другого мужчины? Ты обвиняешь ее в аморальном поведении?

Глаза Найджела переполнились слезами.

Надвигались неприятности, я это прямо чувствовал.

Хьюго, который явно забавлялся, укоризненно поцокал языком:

– Папе тоже будет не очень приятно такое услышать. Знаешь что, иди-ка ты лучше вертеть свой кубик Рубика где-нибудь в укромном уголке. А мы с Джейсоном изо всех сил постараемся забыть, как плохо ты себя вел.

– Не стоит обижаться на Найджела. – Хьюго выбил 3, промахнулся, выбил 4. – Он такой... с приветом. Вообще не умеет ловить намеки и поступать соответственно. В один прекрасный день он будет мне благодарен за мое наставничество. Увы, Его Неандертальское Величество Алекс, боюсь, уже безнадежен.

Я изобразил смешок, думая о том, как это у Хьюго получается, что, произнося слова вроде «увы» и «наставничество», он выглядит сильной личностью, а не полным идиотом. Я промахнулся, потом выбил 2 и сразу 3.

– В прошлой четверти к нам в школу приезжал Тед Хьюз, – заметил он.

Теперь я точно знал, что моя премия в его глазах не порок, а достоинство.

– Правда?

Хьюго выбил 5, потом 6, потом промахнулся.

– Он подписал мне «Ястреба под дождем».

– «Ястреб под дождем» – гениальные стихи.

4, промах, промах.

– Я лично больше люблю поэтов Первой мировой. – Хьюго выбил 7, 8 и промахнулся. – Уилфреда Оуэна, Руперта Брука, всю эту компанию.

– Угу. – Я выбил 5, промахнулся, выбил 6. – Мне тоже они больше нравятся, если честно.

– Но мой кумир – Джордж Оруэлл. – (9, промах, промах.) – У меня есть все, что он когда-либо написал, и даже первое издание «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертого».

Промач, промах, 7.

– «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» – просто потрясающая книга. «Скотный двор» тоже.

(На самом деле я не дочитал «1984» – увяз в длинном сочинении О’Брайена. А «Скотный двор» мы проходили в школе.)

Хьюго выбил 10.

– Но если ты не читал его публицистику, – он чуть не промахнулся, – ты не можешь утверждать, что знаешь творчество Оруэлла. – Он снова чуть не промахнулся. – Черт. Я пришлю тебе по почте его сборник эссе «Во чреве китовом».

– Спасибо.

Я по чистой удаче выбил 8, 9 и 10 подряд и сделал вид, что в этом нет ничего особенного.

– Классно бросаешь! Слушай, Джейс, давай немножко оживим игру? У тебя есть при себе какие-нибудь деньги?

У меня было 50 пенсов.

– Отлично, я ставлю столько же. Первый, кто дойдет до двадцати, выигрывает у другого пятьдесят пенсов.

Половина моих карманных денег – риск немалый.

– Ну давай, Джейс. – Хьюго ухмыльнулся так, будто я ему по правде нравлюсь. – Не будь Найджелом. Ну хочешь, я тебе дам еще раз кинуть вне очереди. Три броска.

Если я скажу «да», то стану больше похож на Хьюго.

– Ну ладно.

– Молодец! Только лучше не упоминать об этом при предках, – Хьюго кивком показал сквозь стену гаража, – а то придется весь остаток дня играть в «Лудо» или «Жизнь» под неусыпным родительским оком.

– Заметано. – Я промахнулся, попал в стену и снова промахнулся.

– Не повезло, – заметил Хьюго; промах, 11, промах.

– Тебе нравится гребля? – Я тоже выбил 11, промахнулся, выбил 12. – Я до сих пор греб только на водных велосипедах в Мальвернском зимнем саду.

Хьюго засмеялся так, словно я, по правде, смешно пошутил, и я ухмыльнулся, как будто это на самом деле так и было. Он стал кидать в 12 и промахнулся три раза подряд.

– Не повезло, – сказал я.

– Гребля – это потрясающе. Скорость, напряжение мускулов, ритм, гонка... все устремлено в одну точку. Сосредоточиваешься настолько, что лишь изредка слышишь всплеск воды или сопение товарища по команде. Если вдуматься, это похоже на секс. Ну и раздавить противника тоже очень приятно. Как говорит наш тренер: «Парни! Главное – не участвовать, а побеждать!»

Я выбил 13, 14 и 15.

– Боже мой! – Хьюго сделал такое лицо, словно был совершенно поражен. – Да ты, Джейс, не собираешься ли меня развести как невинного младенца? Слушай, а хочешь ободрать меня на целый фунт?

Он вытащил из кармана «ливайсов» портмоне из блестящей кожи и помахал в воздухе фунтовой бумажкой:

– Судя по тому, как ты сегодня играешь, деньги будут твои через пять бросков. Как твоя копилка, выдержит?

Если я проиграю, то останусь без гроша до следующей субботы.

– Нуууу, – заворковал Хьюго. – Джейс, да неужели ты струсил в такой момент?

Я представил себе, как Хьюго рассказывает другим Хьюго в гребном клубе: «Мой кузен Джейсон, он такой... с приветом».

– Ну хорошо.

– Отлично!

Хьюго сунул фунтовую бумажку в верхний карман. И выбил 12, 13 и 14. И удивленно воскликнул:

– Да неужто удача повернулась ко мне лицом?

Мой первый дротик ударился о кирпичи. Второй – о железку. Третий не попал в цель.

Хьюго без колебаний выбил 15, 16 и 17.

Послышались шаги – кто-то шел от задней двери дома к двери гаража. Хьюго выругался под нос и взглядом сказал мне: «Молчи, говорить буду я».

Впрочем, ничего другого я и не мог бы сделать.

– Хьюго! – В гараж ворвалась тетя Алиса. – Объясни мне, пожалуйста, почему Найджел плачет!

– Плачет? – (Если бы голливудские киношники сейчас видели Хьюго, он бы точно получил «Оскара».)

– Да!

– Плачет?! Мама, я просто не могу поверить в то, как этот мальчик себя ведет по временам!

– Я не прошу тебя ни во что верить! Я требую, чтобы ты объяснил!

– А что тут объяснять? – Хьюго беспомощно, обиженно пожал плечами. – Джейсон любезно пригласил меня и Найджела поиграть в дарты. Найджел все время промахивался. Я дал ему пару советов, а он в итоге обиделся и выбежал вон. И ругался при этом – плохими словами. Мама, ну почему у него такое большое самолюбие и он совершенно не умеет проигрывать? Помнишь, мы его поймали на том, что он придумывал несуществующие слова, чтобы выиграть в «Скрэббл»? Как ты думаешь, он это перерастет?

Тетя Алиса посмотрела на меня:

– Джейсон, какова твоя версия событий?

Хьюго мог бы продать Найджела на скотобойню, и Глист все равно его поддержал бы.

– Тетя Алиса, Хьюго все правильно говорит. Так и было.

– Мы с удовольствием примем его опять в игру, как только он перестанет дуться, – заверил Хьюго. – Джейс, ты не возражаешь? Я знаю, что он тебя обозвал гадким словом, но он ничего такого не имел в виду.

– Я не возражаю.

Тетя Алиса поняла, что ей поставили пат:

– Лучше вот что. У тети Хелены кончился кофе, а твоему отцу нужно будет выпить кофе, когда он проснется. Поэтому я записываю вас в добровольцы – сходите в магазин. Джейсон, покажи дорогу своему красноречивому кузену, раз вы так крепко подружились.

– Мама, мы почти закончили игру, так что...

Тетя Алиса решительно выставила нижнюю челюсть.

Айзек Пай, владелец «Черного лебедя», зашел в игровую комнату в задней части паба, чтобы поглядеть, из-за чего такой шум. Хьюго стоял у игрового автомата «Астероиды», а

вокруг толпились я, Грант Бёрч, слуга Бёрча Филип Фелпс, Нил Броуз, Энт Литтл, Освальд Уайр и Даррен Крум. Мы все не верили своим глазам. Хьюго играл уже двадцать минут, опустив в автомат один-единственный десятипенсовик. На экране кишели астероиды – я бы не продержался и трех секунд. Но Хьюго схватывает глазами весь экран, а не только один, самый опасный, астероид. Он почти никогда не использует реактивные двигатели для маневра. Он не тратит зря ни одной торпеды. Когда к нему зигзагами подлетает НЛО, он ставит завесу из торпед, только если астероидная буря не слишком сильная. Иначе он просто не обращает на НЛО внимания. Он использует кнопку гиперпространства только в исключительных обстоятельствах. Лицо его все это время спокойно, словно он читает очень интересную книгу.

– Три мильёна?! Не может быть, – сказал Айзек Пай.

– Почти три с половиной, – подтвердил Грант Бёрч.

Когда последняя, бонусная жизнь Хьюго наконец разлетелась фейерверком из звезд, игровой автомат электронно загудел и сообщил, что установлен глобальный рекорд. Эта запись останется в машине, даже если ее выключить.

– Я давеча истратил пятерку, дошел до двух с половиной миллионов и думал, что я кум королю, – буркнул Айзек Пай. – Я бы выставил тебе пинту за свой счет, да в баре сидят два легавых.

– Очень мило с вашей стороны, но я не сажусь пьяным за штурвал – вдруг меня задержит космическая полиция, – ответил Хьюго.

Айзек Пай ухмыльнулся, как соломенный Страшила, и пошлепал обратно в бар.

Хьюго ввел свое имя в игровой автомат: «ИИХ».

– А полностью как? – спросил Грант Бёрч.

– Иисус И. Христос.

Грант Бёрч заржал, поэтому все остальные тоже заржали. Боже, как я был горд. Нил Броуз теперь расскажет Гэри Дрейку, что Джейсон Тейлор – приятель Иисуса Христа.

– Сколько лет ты учился так играть? – спросил Освальд Уайр.

– Лет? – Акцент Хьюго стал чуточку менее мажорным и чуточку более лондонским. – Чтобы освоить игровой автомат, столько времени не нужно.

– Но наверняка нужно много денег, – сказал Нил Броуз. – На тренировки.

– Деньги не проблема, если у человека есть хоть капля мозгов.

– Не проблема?

– Деньги? Конечно нет. Найди спрос, найди возможность обеспечить предложение, завоюй благодарность покупателей, убей конкурентов.

Нил Броуз впитывал каждое слово.

Грант Бёрч вынул пачку сигарет:

– Закурим, приятель?

Если бы Хьюго отказался, он бы испортил только что произведенное впечатление.

– Спасибо, – Хьюго глянул на пачку «Плейерс № 6», – но я курю только «Лэмберт и Батлер», иначе потом несколько часов такое чувство, словно мне в горло дерьма напихали. Чур без обид.

Я впитывал каждое слово. Какой отличный способ отвертеться от курения.

– Ага, – подтвердил Грант Бёрч, – со мной то же самое бывает от «Вудбайнс».

Из бара донесся голос Айзека Пая, который повторял:

– «...я не сажусь пьяным за штурвал – вдруг меня задержит космическая полиция»!

Из задымленного дверного проема, ведущего в бар, выглянула мать Дон Мэдден.

– Слушайте, у нее сиськи по правде такие? – шепотом спросил Хьюго. – Или это две запасные головы?

Мистер Ридд лепит на окна своей лавки пластиковые листы, желтые, как «Люкозейд», чтобы товары на витрине не выгорали. Но у него на витрине сроду стояли только пирамиды из банок консервированных груш, а из-за желтого пластика внутренность его лавки напоминает фотографию викторианской эпохи. Мы с Хьюго принялись читать объявления на доске: кто-то продавал подержанный набор «Лего», кто-то – стиральную машину за 10 фунтов («Совсем как новая, торг уместен»), кто-то пристраивал котят, а кто-то предлагал работу на дому («Зарабатывайте сотни фунтов в свободное от основной работы время!»). Холодно-мыльный, гнилостно-апельсиновый, газетный запах лавки мистера Ридда ударяет в нос, как только войдешь. В углу – почтовый прилавок, где миссис Ридд, почтальонша, обычно продает почтовые марки и лицензии на собак, только не сегодня, потому что сегодня суббота. Миссис Ридд подписывала «Акт о неразглашении государственной тайны», но с виду она совершенно обычный человек. На подставке стоят разные поздравительные открытки: мужчины, одетые как принц Филип, удят рыбу в реке, и надпись гласит: «С Днем отца!», или наперстянки в саду перед сельским домиком, а снизу написано: «Любимой бабушке». На полках – банки алфавитных макарон в томатном соусе, собачьего корма и рисовой каши «Амброзия». И игрушки – духовой футбол, наборы игрушечных денег, только их никто никогда не покупает, потому что они дерьмового качества. Машинка «Слаш паппи» делает сладкий крашеный снег цвета фломастеров, но только не в марте. На полках за прилавком – сигареты, пиво и вино. Повыше – банки с «шербетными бомбочками», «кола-кубиками», «яблочными шипучками» и «морскими таблетками». Их продают на развес в бумажных кулках.

– Ух ты, – сказал Хьюго. – Какое царство потребления. Похоже, я умер и попал в «Хэрсродс».

И тут в лавку впорхнула Кейт Элфрик, лучшая подружка Джулии. Она подошла к прилавку одновременно с мамой Робина Саута. Мама Робина Саута пропустила Кейт вперед, поскольку та покупала лишь бутылку вина. Кейт уже исполнилось восемнадцать лет, поэтому ей продают вино.

– Пасиб. – Мистер Ридд протянул Кейт сдачу. – Отмечаете что-то?

– Да нет. Папа с мамой завтра вечером возвращаются из Норфолка. Хочу встретить их хорошим ужином. А это, – она постучала пальцем по бутылке, – завершающий штрих.

– Молодец, молодец, – сказал мистер Ридд. – Слушаю вас, миссис Саут...

Кейт миновала нас по пути к выходу.

– Привет, Джейсон.

– Привет, Кейт.

– Привет, Кейт, – сказал Хьюго. – Я его кузен.

– Тот, которого зовут Хьюго. – Кейт окинула Хьюго взглядом через очки, как у русской секретарши.

Хьюго картинно зашатался от изумления:

– Я всего лишь три часа в Лужке Черного Лебедя, и обо мне уже говорят?

Я объяснил Хьюго, что это именно к Кейт Джулия пошла заниматься.

– А, так вы та самая Кейт! – Он показал на вино. – «Либфраумильх»?

– Да, – в голосе Кейт явственно слышалось «а твое какое дело?», – «Либфраумильх».

– Сладковато. Вы, на мой взгляд, более сухого типа. Вам подошло бы шардоне.

(Я вот из всех вин знаю только красное, белое, шипучее и розовое.)

– Может, вы не так уж и хорошо разбираетесь в типах.

– Все может быть, Кейт, – Хьюго пятерней зачесал волосы со лба, – все может быть. Ну что ж, не будем вас отрывать от повторения учебного материала. Без сомнения, вы с Джулией сидите над книгами, не разгибаясь. Надеюсь, мы с вами еще пересечемся как-нибудь.

Она зловеще улыбнулась:

– Не надейтесь особенно.

– О, я не буду возлагать все мои надежды. Это было бы необдуманно. Но жизнь порою нас удивляет. Я еще молод, но это знаю твердо.

Дойдя до двери, Кейт оглянулась.

У Хьюго на лице уже читалось уверенное: «Вот видишь?»

Кейт сердито вышла.

– Какая... аппетитная.

В этот миг Хьюго был похож на дядю Брайана.

Я заплатил мистеру Ридду за кофе.

– Да неужто это у вас настоящий засахаренный имбирь вон в той банке, на верхней полке? – спросил Хьюго.

– Он самый, Блю. – Мистер Ридд зовет всех ребят «Блю», чтобы не запоминать имена. Он высморкался – нос у него, как у Панча. – Матушка миссис Юэн его любила, так что я для нее заказывал. Она отошла в лучший мир, и у меня осталась едва начатая банка.

– Замечательно. Моя тетя Друзилла, к которой мы сейчас едем, просто обожает засахаренный имбирь. Простите, что я вас опять гоняю по лестнице, но...

– Нет проблем, Блю, – мистер Ридд сунул носовой платок в карман, – никаких проблем!

Он перетащил стремянку в нужное место, забрался на нее и потянулся за широкогорлой банкой.

Хьюго оглянулся, проверяя, нет ли кого еще в лавке.

Он ужом скользнул вперед, через прилавок, протянул руку между перекладинами лестницы, в шести дюймах от туфель мистера Ридда, схватил пачку сигарет «Лэмберт и Батлер» и так же ловко скользнул назад.

Я произнес одними губами: «Что ты делаешь?!»

Хьюго сунул пачку за пояс.

Мистер Ридд оглянулся на нас с высоты и тряхнул банкой:

– Тебе эту надо, Блю?

– Да, мистер Ридд, именно эту мне и надо, – ответил Хьюго.

– Отлично, отлично.

Я чуть не обделался.

И тут, пока мистер Ридд спускался по лестнице, Хьюго схватил с подставки два шоколадных яйца «Кэдбери» с кремовой начинкой и уронил в карман моего пальто. Если бы я начал сопротивляться или попытался положить их на место, мистер Ридд непременно увидел бы. И в довершение всего, в долю секунды между моментом, когда мистер Ридд коснулся ногами пола, и моментом, когда он повернулся к нам, Хьюго схватил пакетик ментолового драже от кашля «Друг рыбака» и сунул вслед за шоколадными яйцами. Пакетик зашуршал. Мистер Ридд смахнул пыль с банки.

– Сколько тебе, Блю? Четверть фунта хватит?

– Четверть фунта – отлично, мистер Ридд.

– Почему ты... – Вешатель перехватил «спер», потом «свистнул», – украл курево?

– «Курево» курят плебеи. Я курю сигареты. И я не краду. Крадут плебеи. Я – приватизирую.

– Тогда почему ты приватизировал... – Теперь я не мог выговорить «сигареты».

– Я тебя внимательно слушаю, – подбодрил меня Хьюго.

– «Лэмберт и Батлер».

– Если ты хотел спросить, почему я приватизировал сигареты, ответ будет такой: потому что курение – простое удовольствие без каких-либо осложнений, если не считать рака легких и болезней сердца. Но я надеюсь умереть раньше от чего-нибудь другого. Если же ты хотел

спросить, почему я выбрал именно «Лэмберт и Батлер», то я выбрал их, потому что даже под страхом смерти не стану курить ничего другого, за исключением «Пассин клаудз». Но «Пассин клаудз» этот старый бомж у себя в лавчонке наверняка не держит.

Я все еще не понимал:

– У тебя что, нет денег на сигареты?

Его это рассмешило.

– Я что, похож на человека, у которого нет денег на сигареты?

– Но зачем тогда рисковать?

– О, приватизированная сигарета намного слаще.

Теперь я знал, что чувствовала тетя Алиса тогда в гараже.

– Но зачем ты взял шоколадные яйца и «Друга рыбака»?

– «Друг рыбака» – моя защита от табачного запаха изо рта. А шоколадные яйца – защита от тебя.

– Защита от меня?

– Ты меня не заложишь, если у тебя самого в кармане приватизированный товар.

Мимо, изрыгая ядовитые пары, поползла автоцистерна с бензином.

– Я же не заложил тебя сегодня, когда ты довел Найджела до слез.

– Довел Найджела до слез? Кто это довел Найджела до слез?

Тут я обратил внимание на дом Кейт Элфрик, точнее, на серебристый «MG», стоящий в боковом проулке. Какой-то парень, который совершенно точно не был Джулией, открыл парадную дверь для Кейт, идущей к дому по дорожке с бутылкой в руках. В окне второго этажа пошевелилась занавеска.

– Эй, гляди...

– Идем! – Хьюго ринулся в открывшийся просвет между машинами. – Что «эй, гляди»?

Мы рванули через дорогу, к тропе, которая ведет к озеру в лесах.

– Ничего.

– Да нет же, ты ее держишь, как голливудский фашист. Расслабься! Держи ее как авто-ручку. Вот. Теперь – да будет свет...

Хьюго полез в карман куртки:

– Конечно, если хочешь впечатлить клевую телку, спички не годятся. Нужна зажигалка. Но зажигалки выдают человека с головой, будучи откопаны у него в кармане чересчур любопытными найджелами. Так что для сегодняшнего урока придется обойтись спичками.

Озеро нервно рябило волночками и противоволночками.

– Я не видел, как ты и их приватизировал у мистера Ридда.

– Нет, я их взял в пабе, у того неформала, который обозвал меня «приятелем».

– Ты обокрал Гранта Бёрча?!

– Не надо так ужасаться. Грант Бёрч меня в жизни не заподозрит. Я же отказался от его вшивой папироски. Еще одно идеальное преступление.

Хьюго зажег спичку, прикрыл ее ладонью и склонился ко мне.

Внезапный порыв ветра выхватил у меня сигарету. Она провалилась в щель скамейки.

– О черт, – сказал я, нагибаясь за сигаретой. – Сорьки.

– Возьми другую и не говори «сорьки». Мне все равно придется принести весь лишний табак в жертву местной природе. – Он протянул мне пачку сигарет. – Мудрый дилер никогда не рискует, что при нем найдут товар.

Я посмотрел на протянутую пачку:

– Хьюго, я тебе очень благодарен, что ты, ну, предлагаешь меня научить и все такое, но, если честно, я не уверен, что...

– Джейс! – Хьюго сделал карикатурно-изумленное лицо. – Неужели ты хочешь пойти на попятную сейчас? Я думал, мы решили избавить тебя от позорной девственности в этом плане?

– Да... но... может быть... не сегодня.

– «Не сегодня», значит?

Я кивнул, боясь, что он обидится.

– Решать тебе, Джейс. – Хьюго состроил нежнейшее лицо. – То есть мы же с тобой друзья, верно? Я ни в коем случае не собираюсь выкручивать тебе руки и заставлять делать что-то такое, что тебе не по нраву.

– Спасибо. – Я был ему до смешного благодарен.

– Однако, – Хьюго зажег собственную сигарету, – я считаю своим долгом указать тебе на то, что речь идет не просто о выкуривании скромной канцерогенной палочки.

– О чем ты?

Хьюго изобразил лицом серьезные моральные колебания.

– Ну давай, говори уже.

– Кузен, я должен сообщить тебе несколько неприятных истин, – он глубоко затянулся, – но сперва я хочу убедиться, что ты понял: я говорю тебе все это ради твоего же блага.

– Хорошо. Я... – Вешатель перехватил «понял», – осознал.

– Точно?

– Точно.

Глаза у Хьюго могут быть серыми или зелеными – зависит от погоды.

– Это твое «не сегодня» – истинный рак! Рак воли. Оно угнетает твой рост. Другие парни чувствуют твое «не сегодня» и презирают тебя за него. Из-за «не сегодня» ты боишься тех плебеев из «Черного лебедя». Бьюсь об заклад, что причина твоего дефекта речи – то же самое «не сегодня».

(У меня в голове взорвалась бомба стыда.)

– «Не сегодня» обрекает тебя на роль шестерки при любом авторитете, любом хулигане, любом тиране. Они чувствуют, что ты не можешь им противостоять. Не сегодня и вообще никогда. «Не сегодня» – слепой раб любого паршивого правила. Даже правило, которое гласит, – тут Хьюго заблеял, – «Хорошие мальчики не курят! Не слушай этого гадкого Хьюго Лэма!», Джейсон, ты должен убить «не сегодня».

Это была правда – столь чудовищная, что я лишь силился улыбнуться.

Хьюго продолжал:

– Джейс, я сам когда-то был на твоём месте. Я был такой же. Вечно боялся. Но есть и другая причина, по которой ты должен выкурить эту сигарету. Не потому, что это первый шаг к превращению в человека, которого твои деревенщины-одноклассники будут уважать, вместо того чтобы вытирать об него ноги. И не потому, что юноша с достойной сигаретой привлекательней для дам, чем мальчишка с карамелькой. А вот почему. Иди сюда, я шепну тебе на ухо.

Хьюго наклонился так близко, что коснулся губами моего уха, и десять тысяч вольт пронизали каждый мой нерв. (На долю секунды перед глазами вспыхнуло видение: Великий Гребец Хьюго несется по воде, соборы и речные берега сливаются в единое пятно, бицепсы напрягаются и расслабляются под майкой, а вдоль берега выстроились поклонницы. Поклонницы, готовые вылизать ему любое место по его приказу.)

– Если ты не убьешь «не сегодня», – голос его зазвучал как закадровый комментарий в трейлере фильма ужасов, – *в один прекрасный день ты проснешься, согласишься в зеркало и увидишь Брайана и дядю Майкла!*

– Вот молодец... вдыхай... через рот, не через нос...

Газообразная грязь покинула мой рот.

Хьюго был непреклонен:

– Ты ведь не вдыхал в легкие, верно?

Я мотнул головой. Мне хотелось сплюнуть.

– Понимаешь, Джейс, нужно вдыхать. В легкие. Иначе это все равно что секс без оргазма.

– Хорошо. Ладно.

(Я не знал, что такое оргазм, за исключением того, что этим словом называют человека, отмочившего какую-нибудь совсем тупую корку.)

– Я сейчас зажму тебе ноздри, чтобы ты не мог меня обмануть. – Пальцы Хьюго защемили мне нос. – Глубокий вдох – не слишком глубокий, – чтобы дым вошел в легкие вместе с воздухом.

Другая рука зажала мне рот. Воздух был холодный, но пальцы у Хьюго – теплые.

– Раз... два... три!

Горячая газообразная грязь вошла в меня. Затопила мне легкие.

– Держи в себе, – подбадривал меня Хьюго. – Раз, два, три, четыре, пять... выпускай!

Он отпустил мои губы.

Дым вытек струйкой, как джинн из бутылки.

Ветер распылил его на молекулы.

– Вот и всё, – бодро сказал Хьюго.

– Здорово.

«Какая мерзость».

– Ты привыкнешь. Докури до конца.

Хьюго уселся на спинку скамейки и закурил другую «Лэмберт и Батлер».

– Кстати сказать, в плане водных просторов я вашим озером не впечатлен. Это здесь у вас лебеди?

– В Лужке Черного Лебедя на самом деле нет никаких лебедей. – Вторая затяжка была так же омерзительна, как первая. – Это, в общем, такая шутка. Но озеро в январе было просто классное. Оно замерзло. Мы играли в «британских бульдогов» прямо на льду. Хотя потом я узнал, что здесь утонуло в общей сложности около двадцати ребят. За много лет.

– Их трудно винить. – Хьюго устало вздохнул. – Лужок Черного Лебедя, может, и не жопа мира, но из него открывается прекрасный вид на эту самую жопу. Джейс, ты что-то побледнел.

– Я в порядке.

Первая волна вырвалась из меня со звуком «ГЭЭЭ-ЭРРРР» и хлынула на грязную траву. В горячей жиже плыли ошметки моркови и креветок. Часть попала мне на растопыренные пальцы. На ощупь оно было как теплый рисовый пудинг. Я чувствовал приближение второй волны. Перед закрытыми глазами стояла картинка: пачка «Лэмберт и Батлер» с одной высунутой сигаретой, как в рекламе. Вторая волна оказалась желтоватой, горчичной. Я хватал губами кислород, как человек, запертый в воздушном шлюзе. Я молился, чтобы на этом все кончилось. Последовали три коротких залпа, гуще и липче первых. Должно быть, это «Аляска».

Господисусе.

Я вымыл в озере заляпанную рвотой руку, вытер глаза, слезящиеся от рвоты. Мне было дико стыдно. Хьюго пытается научить меня, чтобы я стал как он, а я даже одной сигареты не осилил.

– Прости, пожалуйста, – я вытираю рот, – прости меня!

Но Хьюго на меня даже не смотрит.

Он извивается на скамейке, запрокинув лицо к взъерошенному небу.

Мой кузен рыдает от смеха.

Верховая тропа

Мой взгляд бочком, как паук, пересекает плакат с черными рыбами, переходящими в белых лебедей, потом карту Средиземья, огибает дверной косяк, врежется в занавески, озаренные яростным сиреневым светом весеннего солнца, и падает в колодец ослепительной яркости.

Когда слушаешь, как дышит дом, становишься невесомым.

Но тайное шпионство менее притягательно, когда в доме больше никого нет, так что я соскочил с кровати. Занавески на окне на лестничной площадке были все еще задернуты, потому что мама с Джулией уехали в Лондон затемно. Папа все выходные на очередной конференции в очередном Ньюкасле-на-Тайне или Ньюкасле-под-Лаймом. Сегодня дом принадлежит только мне.

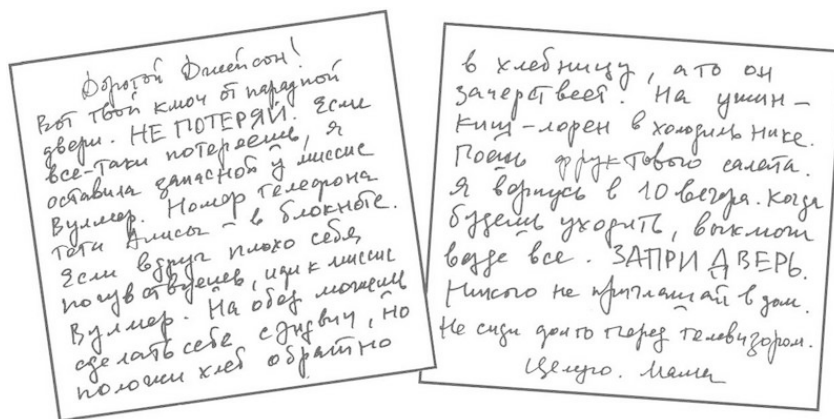
Первым делом я поссал при широко распахнутой двери ванной. Потом зашел в комнату к Джулии и поставил ее пластинку *Roxy Music*. Джулия мне голову оторвала бы. Я врубил полную громкость. Папа лопнул бы от злости. Я развалился на полосатом диване в комнате Джулии, слушая эту казушную песню «Virginia Plain». Большим пальцем ноги я позвякивал «китайскими колокольчиками» из ракушек, которые Кейт Элфрик подарила Джулии на день рождения пару лет назад. Просто потому, что некому было мне запретить. Потом я стал шарить в комод, ища тайный дневник Джулии. Но наткнулся на коробку тампонов, застеснялся и бросил.

В стиле кабинета папы я пооткрывал его железные шкафчики для бумаг и вдохнул их металлический запах. (После визита дяди Брайана в кабинете добавился блок «Бенсон и Хеджес» из дыюти-фри.) Я покрутился на папином кресле с «Сокола Тысячелетия», вспомнил, что сегодня первое апреля, снял трубку папиного телефона, к которому запрещено прикасаться, и сказал:

– Алло! Крейг Солт? Говорит Джейсон Тейлор. Слушай, Солт, ты уволен. Что значит «почему»? Потому что ты жирный оргазм, вот почему. Ну-ка немедленно соедини меня с Россом Уилкоксом! А, Уилкокс? Джейсон Тейлор у телефона. Слушай! Сегодня придет ветеринар и усыпит тебя, чтобы ты больше не мучился. Пока, мешок с дерьмом. Неприятно было познакомиться.

В кремовой спальне родителей я присел за мамин туалетный столик, изобразил на голове ирокез при помощи мусса для волос «Л'Ореаль», намалевал поперек лица полосу, как у Адама Анта, и поднес к одному глазу мамину опаловую брошь. Я посмотрел сквозь нее на солнце и увидел тайные цвета, которым люди еще не дали имени.

На первом этаже узкая облатка света из того места, где чуть-чуть не сходились кухонные занавески, падала на золотой ключ и записку:

Ух ты. Мой собственный ключ от дома. Должно быть, мама решила мне его оставить сегодня утром, в последний момент. Обычно мы прячем запасной ключ в резиновом сапоге в гараже. Я сбегал наверх и нашел брелок, когда-тошний подарок дяди Брайана, – кролик в черном галстуке-бабочке. Прицепил ключ на шлевку пояса и съехал вниз по перилам. На завтрак я поел ямайского имбирного кекса «Маквити» и запил его смесью молока, кока-колы и «Овалтина». Неплохо. Прямо-таки замечательно! Каждый час сегодняшнего дня – как шоколадка «Черная магия», ждущая в коробке. Я вернул кухонное радио с четвертого канала на первый. Там передавали эту потрясающую песню *Men at Work*, в которой звучит пыльноватая флейта. Я съел три шоколадные конфеты «Французская причуда» от «Маркса и Спенсера», прямо из пакета. Галочки птиц дальнего следования испещрили небо. Облака-русалки плыли над приходской землей, над флюгерным деревом, над Мальвернскими холмами. О, как рвется туда мое сердце.

А что меня останавливает?

Мистер Касл в зеленых резиновых сапогах мыл из шланга свой «воксхолл-вива». Передняя дверь его дома была распахнута, но в прихожей царил непроглядная темень. Может быть, в этой темноте притаилась миссис Касл и следит за мной. Миссис Касл почти не показывается на людях. Мама зовет ее «эта бедная женщина» и говорит, что та страдает от «нервов». А вдруг «нервы» – это заразно? Я не хотел омрачать сияющее утро запинанием, так что попытался проскользнуть мимо мистера Касла незамеченным.

– Доброе утро, юноша!

– Доброе утро, мистер Касл, – ответил я.

– Идешь по важному делу?

Я помотал головой. Я почему-то побаиваюсь мистера Касла. Я однажды подслушал, как папа говорил дяде Брайану, что мистер Касл – франкмасон. Это имеет какое-то отношение к колдовству и пентаклям.

– Просто сегодня такое... – Вешатель перехватил «приятное», – хорошее утро, что я...

– О, прекрасное утро! Просто прекрасное!

Жидкий солнечный свет струился по лобовому стеклу машины.

– Так сколько же тебе лет, а, Джейсон? – Мистер Касл спросил так, словно этот вопрос дебатировался советом экспертов на протяжении многих дней.

– Тринадцать, – сказал я, догадавшись: он думает, что мне еще только двенадцать.

– Тринадцать?! Правда?!

– Тринадцать.

– Тринадцать! – Мистер Касл посмотрел сквозь меня. – Древний старец!

Перелаз возле устья Кингфишер-Медоуз – начало верховой тропы. Это доказывает зеленый знак «ОБЩЕСТВЕННАЯ ВЕРХОВАЯ ТРОПА» с изображением лошади. Где верховая тропа кончается – другой вопрос, и с ним уже полная неясность. Мистер Бродвас говорит, что тропа сходит на нет в лесу Ред-Эрл. Пит Редмарли и Ник Юэн рассказывают, что как-то ходили со своими ручными хорьками охотиться на кроликов вдоль верховой тропы и ее якобы перерезает новая застройка в Мальверн-Уэллсе. Но мне больше всего нравится слух, что тропа доходит до подножия холма Пиннакл и там, если продрасться сквозь плети ежевики, темный плющ и злобную крапиву, можно найти вход в старый туннель. Пройди через него – и выйдешь в Хирфордшире, возле обелиска. Где находится этот туннель, люди уже давно забыли, поэтому кто его найдет, попадет на первую полосу «Мальверн-газетир». Вот круто было бы, а?

Я пройду по верховой тропе до ее загадочного конца, где бы он ни был.

В первой части верховой тропы нет ничего таинственного. Все дети в деревне излазили ее вдоль и поперек. Она идет мимо участков на задворках домов к футбольному полю. Футбольное поле на самом деле просто кусок земли за общинным центром, принадлежащий папе Гилберта Свиньярда. Когда овцы мистера Свиньярда там не пасутся, он разрешает нам играть в футбол. Ворота мы обозначаем куртками и не замораживаемся вбрасыванием. Счет может быть сколь угодно высоким, как в регби, и игра может длиться часами, пока предпоследнего игрока не позовут домой. Иногда приходят велландские и каслмортонские парни – приезжают на велосипедах, и тогда игра становится больше похожа на битву.

Сегодня утром на футбольном поле не было ни одной живой души, кроме меня. Наверняка сегодня чуть попозже будет игра. И никто из игроков не узнает, что Джейсон Тейлор был сегодня на футбольном поле раньше их. В это время я уже буду за много полей отсюда. Может даже, глубоко под Мальвернскими холмами.

Жирные мухи кормились на коровьих лепешках цвета карри.

Новые листья сочились из прутьев оград.

Воздух был густ от семян, словно сладкий кисель.

В рощице верховая тропа слилась с дорогой, изрытой словно лунными кратерами. Деревья сплетались над головой, так что от неба были видны только узелки и петли. Здесь было темно и прохладно, и я подумал, что стоило захватить куртку. Дорога прошла по ложине, свернула, и я вышел к домику из закопченного кирпича и кривых балок, под соломенной крышей. Под стрехами сновали стрижи. «ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ» – гласило объявление на дощатых воротах, где обычно бывает имя владельца. Новорожденные цветы в саду были как лакричное ассорти – голубые, розовые и желтые. Кажется, я услышал звук ножниц. Кажется, я услышал в их щелканье зачатки стихов. Я встал и прислушался – так голодная малиновка ищет червей на слух. Всего на минутку.

Или на две, или на три.

Собаки неслись на меня, как пушечные ядра.

Я отскочил назад, через тропу, и плюхнулся на задницу.

Ворота взвизгнули, но, хвала Господу, не открылись.

Два – нет, три добермана пихались и таранили ворота, стоя на задних лапах и лая как безумные. Даже когда я встал, они были одного роста со мной. Надо было бежать, пока можно, но собаки были прямо-таки саблезубые, с оголтелыми от бешенства глазами, ветчинными языками, и у каждой – стальная цепь вокруг шеи. Внутри замшевых шкур, будто смазанных черным гуталином по бурому, прятались не только собачьи тела, но еще и нечто, которое хочет убивать.

Я боялся, но не мог оторвать взгляд от собак.

Тут меня больно ткнули в то место, где у человека невидимый снаружи хвостик.

– Ты что это дразнишь моих ребят?

Я молниеносно обернулся. У человека была корявая верхняя губа, а волосы – цвета саж с белой прядью, словно он зачесал в волосы птичьего дерьма. В руке он держал трость, такую толстую, что она проломила бы и череп.

– Да, дразнишь моих ребят!

Я сглотнул. На верховой тропе царят иные законы, не такие, как на главных дорогах.

– Я такого не терплю. – Он кинул взгляд на доберманов. – Заткнитесь!

Собаки замолчали и перестали насккивать на ворота.

– А ты, видать, смелый больно, дразнишь моих ребят через забор!

– Они... очень славные собачки.

– Ах вот как? Да я только кивну, и они из тебя фарш сделают. Тогда небось уже не будешь называть их славными собачками?

– Надо полагать, что нет.

– Надо полагать, что нет. Ты из этих навороченных новых домов, а?

Я кивнул.

– Я так и знал. Местные больше уважают моих ребят, чем всякие там городские. Вы сюда претесь, шатаетесь кругом, оставляете ворота открытыми, ставите свои игрушечные дворцы на земле, где мы работали спокон веку! Аж блевать тянет. Только посмотреть на тебя.

– Я не хотел сделать ничего плохого. Честно.

Он покрутил палкой в воздухе:

– Давай вали отсюда.

Я пошел прочь – быстро и оглянулся через плечо только один раз.

Человек пристально смотрел мне вслед.

«Быстрее, – предостерег Нерожденный Близнец. – Бегом!»

Я замер, глядя, как человек открывает ворота. Он помахал мне рукой – почти дружелюбно.

– ВЗЯТЬ ЕГО, РЕБЯТА!

Три черных добермана понеслись прямо на меня.

Я помчался со всех ног, но знал, что тринадцатилетнему мальчику не убежать от трех оскалившихся доберманов. Ноги пробарабанили по дерну, я перелетел через копну, удар об землю вышиб из меня дух, и где-то сбоку мелькнул бархатный круп в прыжке. Я завизжал, как девчонка, и сжался в комок в ожидании клыков, которые вопьются мне в бок и в лодыжки и будут терзать, и рвать, и мусолить, мотая головой, и оторвут мне яйца, и побегут прочь с моими яйцами в зубах, и печенкой, и почками, и сердцем.

Где-то очень близко закуковала кукушка. Но ведь уже прошло не меньше минуты?

Я открыл глаза и поднял голову.

Ни собак, ни хозяина не видно.

Нездешняя бабочка веером раскрывала и захлопывала крылья в паре дюймов от меня. Я осторожно встал.

Придется в ближайшие дни ходить с роскошными синяками, и пульс был до сих пор неровный и частил. В остальном я был в полном порядке.

В порядке, но чувствовал себя отравленным. Хозяин собак презирает меня за то, что я нездешний. Он презирает меня за то, что я живу на Кингфишер-Медоуз. С таким презрением не поспоришь. Как не поспоришь с обозленными доберманами.

Я пошел дальше по верховой тропе, вон из роши.

Паутинки в опалах росы звон-лопались у меня на лице.

Большое поле было полно настороженных овец и новеньких, свеженьких ягнят. Ягнята приближались ко мне, скача, как Тигра в мультике, и толкая друг друга. Их блеяние звучало как гудок маленькой паршивой машинки «фиат-нодди» – при виде меня они испытывали дебильную радость. Яд, оставленный доберманами и их хозяином, стал мало-помалу рассасываться. Одна-две овцы-матери начали подбираться ко мне. Они мне не очень-то доверяли. Овцам повезло, что они не знают, почему фермер о них заботится. (Людам тоже надо очень осторожно относиться к чужой беспричинной доброте. Доброта не бывает беспричинной, а причина обычно весьма неприятна.)

В общем, я уже был на середине поля, когда заметил трех ребят на старой железнодорожной насыпи. Они сидели на Пустом бревне, которое лежит у кирпичного мостика. Они меня уже увидели, и, если бы я изменил курс, они поняли бы, что я струсил и избегаю их. Так что я двинулся прямо к ним. Я жевал пластинку «Джуси-фрут», найденную в кармане. Время от времени я сбивал по пути головку цветущего чертополоха, чтобы казаться круче.

И не зря. Это оказались Грант Бёрч, его слуга Филип Фелпс и Энт Литтл – они курили, передавая бычок по кругу. Из Пустого бревна вылезли Даррен Крум, Дин Дуран и Подгузник.

– Эй, Тейлор! – крикнул Грант Бёрч с бревна.

– Пришел посмотреть на драку? – спросил Фелпс.

– Какую драку? – крикнул я от подножия железнодорожной насыпи.

– Я собираюсь раздавить в лепешку Его Дрочистое Величество Росса Уилкокса Третьего. – Грант Бёрч зажал пальцем одну ноздрю и выстрелил горячей соплей из другой.

Какая хорошая новость.

– А чего это?

– Прикинь, мы со Свинъярдом вчера играем в «Астероиды» в «Черном лебеде». Приходит Уилкокс, ведет себя так, как будто он главная шишка, и, ни слова не говоря, берет и роняет окурочек прямо мне в шенди! Ты можешь в это поверить? Я ему говорю: «Ты что, нарочно?» А он такой: «А как ты думаешь?» И я ему говорю: «Ты об этом пожалеешь, девчачья пиписька!»

– Круть! – осклабился Филип Фелпс. – «Девчачья пиписька!»

Грант Бёрч нахмурился:

– Фелпс, не перебивай меня.

– Прости, Грант.

– Ну вот, я ему говорю: «Ты об этом пожалеешь, девчачья пиписька!» А он такой: «Уж не ты ли меня заставишь?» А я такой: «Пойдем выйдем». А он такой: «Ну конечно, ты только и ждешь, что выйдет Айзек Пай и не даст мне измолотить тебя как следует». Я говорю: «Ну хорошо, вонь подзалупная, тогда ты скажи где». И он такой: «Завтра утром у Пустого бревна, в полдесятого». А я ему: «Тогда заранее вызови „скороую“, говноед. Увидимся». И он такой сказал: «Хорошо» – и вышел.

– Уилкокс просто чокнулся, – сказал Энт Литтл. – Грант, ты же его в порошок сотрешь.

– Да, – сказал Даррен Крум. – И еще как.

Отличные новости. Росс Уилкокс в последнее время сколачивает свою банду в школе и не скрывает особо, что у него на меня зуб. Грант Бёрч один из самых крутых ребят во всех третьих классах. Уилкокс уйдет с битой мордой и клеймом чмошника и изгоя.

– Сколько времени, Фелпс?

Тот посмотрел на часы:

– Без четверти десять, Грант.

– Уилкокс, похоже, струсил, – сказал Энт Литтл.

Грант Бёрч харкнул на землю.

– Подождем до десяти. Потом пойдем на Веллингтон-Гарденс и позовем Уилкокса поиграть с нами. Такой борзости я не спускаю.

– Грант, а его папка? – спросил Фелпс.

– Что «его папка», Фелпс?
– Он ведь побил Уилкоксову мамку так, что она загремела в больницу.
– Пряма я испугался какого-то пидора. Дай-ка еще сигаретку.
– Только не сердись, Грант, у меня остались одни «Вудбайнс», – пробормотал Фелпс.
– «Вудбайнс»?!
– У мамки в сумке других не было. Извини.
– А «шестерки», что твой старик курит?
– Ой, у него не было. Сорьки.
– Господисусе! Ну ладно. Давай сюда «Вудбайнс». Тейлор, хочешь сигаретку?
– Ты ведь бросил, верно, Тейлор? – насмешливо сказал Энт Литтл.
– Снова начал, – сказал я Гранту Бёрчу, карабкаясь по насыпи.
Дин Дуран помог мне перелезть через грязный выступ обрыва.
– Привет.
– Привет, – ответил я.
– И-ГО-ГО-ГО-ГО! – Подгузник оседлал Пустое бревно и нахлестывал сам себя прутом по заднице. – Сейчас я напинаю задницу этому мальчишке отсюда до Китая!

Должно быть, слышал эту фразу в каком-нибудь фильме.

Средний по рангу парень, такой как я, не имеет права отказаться от приглашения парня постарше, такого как Грант Бёрч. Я взял сигарету, как тогда показывал мне Хьюго, и притворился, что глубоко затягиваюсь. (На самом деле я только держал дым во рту.) Энт Литтл, конечно, надеялся, что я закашляюсь. Но я только выдохнул дым, как будто уже миллион раз это делал, и передал сигарету Даррену Круму. (Если детям не разрешают курить, почему это так противно?) Я искоса глянул на Гранта Бёрча – проверить, насколько я его впечатлил, – но он смотрел на турникет в ограде церкви Святого Гавриила.

– Смотрите, кто к нам пришел!

Противники встали перед Пустым бревном и смерили друг друга взглядом. Грант Бёрч на пару дюймов повыше Росса Уилкокса, но Уилкокс мосластее. С Уилкоксом пришли Гэри Дрейк и Уэйн Нэшенд, как секунданты. Уэйн Нэшенд раньше был аптонским панком, потом недолго побыл аптонским новым романтиком, но теперь стал аптонским модом, уже насовсем. Он полный дебил. Гэри Дрейк – вот он отнюдь не дебил. Он учится в нашем классе. Но он двоюродный брат Уилкокса, так что они вечно отвисают вдвоем.

– А ну вали домой к мамочке, пока я еще добрый, – сказал Грант Бёрч.

Гнусное начало. Про мамку Уилкокса все знают.

Уилкокс сплюнул Гранту Бёрчу под ноги:

– Ну попробуй, сделай так, чтобы я свалил.

Плевков попал Гранту Бёрчу на кроссовку.

– Ты это языком слижешь, девчачья пиписька.

– Попробуй, заставь меня.

– Папку своего заставь говно кушать.

– Ах как остроумно, Бёрч.

Ненависть пахнет старыми сгоревшими фейерверками.

Когда бывают драки в школе, это очень весело. Мы все орем «ДРАКААААААА!» и кидаемся в гущу боя. Потом прибегает мистер Карвер или мистер Уитлок, расталкивая зрителей. Но сегодняшняя драка была хладнокровнее. После каждого удара мое тело машинально дергалось, как дергаются ноги, когда смотришь на прыжки в высоту по телевизору.

Грант Бёрч мигом кинулся в ноги Уилкоксу, чтобы свалить его.

Уилкокс нанес слабый удар, но был вынужден извернуться боком, чтобы не упасть.

Грант Бёрч вцепился Уилкоксу в горло:

– Пидор!

Уилкокс вцепился в горло Гранту Бёрчу:

– Сам пидор!

Уилкокс двинул Гранта Бёрча кулаком по голове. Больно.

Грант Бёрч захватил шею и голову Уилкокса в тиски. Вот это по правде больно.

Грант Бёрч качнул Уилкокса в одну сторону, в другую, но не мог его свалить и только двинул кулаком в лицо. Уилкокс извернулся, изогнул руку кверху и впился пальцами в лицо Гранта Бёрча.

Грант Бёрч пихнул Уилкокса и двинул ему ботинком в ребра.

Они тут же со страшной силой столкнулись лбами, как два барана.

Они возились и дергали друг друга, сплевывая ругательства сквозь зубы.

У Гранта Бёрча из носа потекла алая струйка. Она запачкала лицо Уилкокса.

Уилкокс попытался поставить подножку Гранту Бёрчу.

Грант Бёрч поставил контрподножку Уилкоксу.

Уилкокс поставил контр-контрподножку Гранту Бёрчу.

К этому времени они доковыляли до края насыпи.

– Осторожно! – заорал Гэри Дрейк. – Вы на самом краю!

Сплетенные тела зашатались на краю обрыва.

И сверзились вниз.

Когда они докатились донизу, Уилкокс немедленно вскочил на ноги. Грант Бёрч полусидел, баюкая правую руку левой и морщась от страшной боли. «Черт», – подумал я. Лицо Гранта Бёрча было запачкано землей и кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.